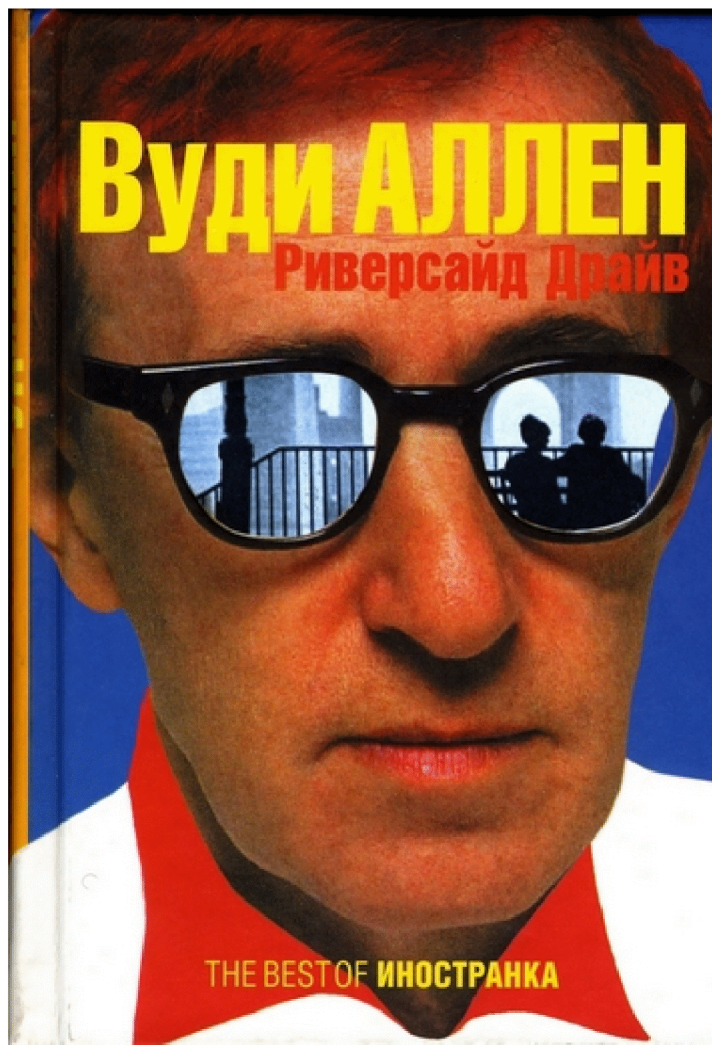

Вуди Аллен Риверсайд Драйв

«Риверсайд Драйв»: Иностранка; Москва; 2004
ISBN 5-94145-265-9

Аннотация

*Три новых пьесы Вуди Аллена о
непостоянстве чувств. Три очень смешных трагедии.*

Дормана.

Перевод Олега

Риверсайд Драйв

Риверсайд Драйв

Занавес открывается. Пасмурный день в Нью-Йорке. Может быть, легкий туман. Сцена

представляет уединенное местечко на берегу Гудзона — где-нибудь в районе Западных 70—80-х улиц. Отсюда, облокотившись на парапет, можно наблюдать за судами и смотреть на Нью-Джерси на том берегу.

Джим Свейн — писатель, ему лет сорок пять. Он нервно рассказывает по набережной, то и дело поглядывает на часы, звонит по мобильному телефону, но номер не отвечает. Понятно, что он кого-то ждет.

Джим потирает озябшие руки, проверяет, не начало ли моросить, и, возможно чувствуя, как пробирает сырость, поплотнее запахивает куртку.

Затем на набережной появляется здоровенный небритый бродяга и не спеша направляется в сторону Джима, явно приглядываясь к нему. На вид они ровесники. Бродягу зовут Фред.

Чем ближе он подходит, тем сильнее его присутствие нервирует Джима, который не то чтобы боится, но чувствует себя неуютно в безлюдном месте наедине с угрюмым громилой. Вдобавок Джим очень рассчитывал, что свидание, на которое он пришел, обойдется без свидетелей. Наконец Фред обращается к нему.

Ф р е д . Дождливый денек.

Джим кивает, соглашаясь, но не желая поддерживать разговор.

Изморось.

Джим кивает с кислой улыбкой.

Даже, я бы сказал, хмарь. Изморось и мгла.

Д ж и м . Угу.

Ф р е д (*помолчав*). Ты смотри, какое течение. Уронишь кепку — через двадцать минут будет в открытом море.

Д ж и м (*сухо, но вежливо*). Да-да.

Ф р е д (*после паузы*). Общая протяженность Гудзона — триста пятнадцать миль. Река начинается с ручейка в Адирондаксе и впадает в бескрайний Атлантический океан.

Д ж и м . Любопытно.

Ф р е д . Не то слово. Вы не думали, что было бы, если б она текла в обратном направлении?

Д ж и м . Как-то не доводилось.

Ф р е д . Хаос. Сумятица. Роняешь кепку, и ее уносит не в океан, а в Покипси.

Д ж и м . Н-да... Действительно.

Ф р е д . Бывали в Покипси?

Д ж и м . Что?

Ф р е д . Не бывали в Покипси?

Д ж и м . Я?

Ф р е д (*оглядывается; вокруг ни души*). А кто же?

Д ж и м . Почему вы спрашиваете?

Ф р е д . А что такого? Нормальный вопрос.

Д ж и м . Бывал ли я в Покипси?

Ф р е д . Ну да.

Д ж и м (*помедлив, решает ответить*). Нет, не бывал. И что с того?

Ф р е д . Ну, не бывал и не бывал — чего так нервничаете?

Д ж и м . Послушайте... Мне надо кое-что обмозговать.

Ф р е д . Вы сюда редко заходите, верно?

Д ж и м . А что?

Ф р е д . Просто любопытно.

Д ж и м . Что вам нужно? Хотите сшибить подачку? Натe, держите доллар.

Фред . Секундочку. Я всего лишь спросил, часто ли вы тут бываете.

Джим (*начиная терять терпение*). Не часто. У меня сейчас важная встреча. Совершенно занята голова.

Фред . Ну вы и денек подгадали.

Джим . Откуда я знал, что будет такая гнусь?

Фред . А что, прогноз не слушаете? Ничего себе. По-моему, как ни включишь, только о погоде и говорят. Вот скажите: вас на Риверсайд Драйв очень беспокоит порывистый ветер в Аппалачах? Нет, в самом деле, достали.

Джим . Ваша правда. Ну что ж, было приятно побеседовать.

Фред . Гляди-ка, какой туман — Джерси почти не видно.

Джим . И слава богу.

Фред . Согласен. Я тоже не в восторге от Джерси.

Джим . Я шучу. Это просто...

Фредхохма? Треп?

Джим . Легкая ирония.

Фред . Могу вас понять.

Джим . То есть?

Фред . Учítывая, как я сам отношусь к тамошнему университету...

Джим . Откуда я знаю, как вы к нему относитесь?

Фред . И лучше вам не знать.

Джим . Угу. Н-да. Ну что ж... Теперь мне надо сосредоточиться. (*Смотрит на часы.*)

Фред . Когда она должна прийти?

Джим . Что-что? Прошу вас, ступайте.

Фред . У нас свободная страна. Я имею право стоять и глазеть на Нью-Джерси, откуда захочу.

Джим . Безусловно. Только не надо со мной разговаривать.

Фред . Можете не отвечать.

Джим (*достает мобильный телефон*). Значит, так: хотите, чтобы я позвонил в полицию?

Фред . И что скажете?

Джим . Что вы пристаёте. Нарушаете общественный порядок. Попрошайничаете.

Фред . Вот смотрите: допустим, я беру ваш мобильник и бросаю в воду. Через двадцать минут он будет в Атлантическом океане. Но если бы течение шло вспять, его отнесло бы в Покипси. Кстати, я не ошибся? В Покипси или в Территаун?

Джим (*слегка напуган и разозлен*). В Территауне я бывал — если вы собирались спросить.

Фред . Где останавливались?

Джим . В Покантико-Хиллз. Я там жил одно время. Все?

Фред . Теперь они переименовались в Сонную Лощину. Приманивают туристов.

Джим . Понятно.

Фред . В честь этого дерьма про Икабода Крейна. Смотрели? Сонная лощина, Рип ван Винкль... 1 Все заботятся только об упаковке.

Джим . Послушайте. Мне правда нужно собраться с мыслями...

Фред . Бросьте, давайте потолкуем о литературе. Вы ведь писатель.

Джим . Откуда вы знаете?

Фред . То есть? Мне ли не знать.

Джим . Ну вы же не по костюму догадались?

Фред . А это считается костюм?

Джим . Чем плохо — твидовый пиджак с вельветовыми штанами?

Фред . Жан-Поль Сартр сказал: после тридцати человек отвечает за свое лицо.

Джим . Это сказал Камю.

Фред . Сартр.

Джим . Камю. Сартр сказал, что профессия накладывает отпечаток: у официанта становится походка официанта, у клерка — жесты клерка. Потому что люди мечтают стать вещами.

Фред . Но вы-то не стали.

Джим . Стараюсь.

Фред . Конечно: вещью быть безопасно — вещи не умирают. Приговоренный стоит у стенки и мечтает слиться с ней, раствориться среди камней, стать прочным, вечным — иными словами, жить, быть живым.

Джим (*оценивающе посмотрен на Фреда*). С удовольствием как-нибудь продолжил бы этот разговор.

Фред . Отлично. Когда?

Джим . Сегодня я целый день занят...

Фред . Ну, не сегодня. Можно вместе позавтракать — я свободен всю неделю.

Джим . Честно говоря, пока не представляю.

Фред . Я написал забавную вещицу по мотивам Ирвинга.

Джим . Какого Ирвинга?

Фред . Вашингтона Ирвинга. Мы же говорили об Икабоде Крейне.

Джим . Я думал, мы закончили.

Фред . История такая: Икабод Крейн обречен вечно носиться по лугам и долам, держа башку под мышкой. Он был немецким солдатом, его убили на войне, теперь он — всадник без головы.

Джим . Он был гессенским кавалеристом.

Фред . И вот он прискакивает в дежурную аптеку, и голова говорит: у меня дикая мигрень. Аптекарьша отвечает: вот, пожалуйста, две таблетки суперсильного экседрина. Тело платит и помогает голове запить лекарство. Следующая сцена — тем же вечером, позже. Всадник едет по мосту. Голова говорит: знаешь, я просто заново родилась — мигрень как рукой сняло. И от этих слов телу становится грустно. Оно понимает, что здорово влипло: ведь если мигрень начнется у него самого, то, не имея головы на плечах, от нее уже не избавиться.

Джим . Как тело может понимать?

Фред . Кого это интересует?

Джим . Как кого? Вполне резонный вопрос.

Фред . В том-то и вся штука. Вы неплохо строите сюжет, диалог, но вам не хватает вдохновения. Поэтому вы и вынуждены полагаться на меня. Хотя в последний раз вышло не очень ловко.

Джим . Что вышло? О чем вы?

Фред . О деньгах. О скромном гонораре и подобающем месте в титрах.

Джим . Послушайте: у меня важная встреча...

Фред . Знаю, знаю — она опаздывает.

Джим . Ничего вы не знаете и знать вам не надо.

Фред . Я понимаю: у вас randevu, я вам тут ни к чему. Так давайте закончим с делом — и меня нет.

Джим . С каким делом?

Фред . Вы еще скажите, что все это суций Кафка.

Джим . Да уж куда там Кафке.

Фред . Думаете? А что же это? Постмодернизм?

Джим . Что вы хотите?

Фред . Мой процент и имя на афише. Я понимаю — фильм уже вышел, сейчас поздно менять титры, но я хочу получить свою долю, а имя надо будет вписать при допечатке копий. Я не претендую на половину, но надеюсь на справедливость.

Джим . Вы рехнулись? С какой стати я должен с вами делиться?

Фред . С той, что я дал вам идею.

Джим . Дали идею?

Фред . Вернее — вы сами взяли.

Джим . Взял вашу идею?

Фред . И у вас впервые в жизни купили сценарий. Картина, вроде, имеет успех — так что я хочу получить то, что мне причитается.

Джим . Я не брал ваших идей.

Фред . Джим, кончай.

Джим . Это вы кончайте. И я вам не Джим.

Фред . Хорошо. Джеймс. Сценарий Джеймса Свейна. Хотя все зовут тебя Джимом.

Джим . Откуда вы знаете, как меня зовут?

Фред . Знаю. Слышал.

Джим . Где? Когда?

Фред . Джим Свейн, угол Семьдесят восьмой и Централ-Парк Вест. Личный автомобиль "БМВ", номерной знак ноль-ноль-ноль-ноль-один, конечно-конечно, тщеславие тут ни при чем... — Это у Джимми Коннерса² четыре ноля-один, а не у тебя: видал я, как ты пытаешься попасть ракеткой по мячику. Так что даже не думай мне вешать лапшу.

Джим . Вы что, следили за мной?

Фред . А та чернявая мышка и есть твоя Лола?

Джим . Моя жена отнюдь не мышка!

Фред . Ладно, ладно, не мышка. Только зубки, как у грызуна.

Джим . Она очень красивая женщина.

Фред . Это дело вкуса.

Джим . Слушайте, как вы смеете!

Фред . Она не узнает, клянусь.

Джим . Вы говорите о моей жене. О женщине, которую я люблю.

Фред . И поэтому гуляешь?

Джим . Что?

Фред . Могу легко угадать, с кем. Она чуть-чуть дешевочка, да?

Джим . Я ни с кем не гуляю.

Фред . Тогда чего ты сюда приперся?

Джим . Черт побери, проваливайте! Если вы сию секунду не уберетесь, я зову полицию.

Фред . Последнее дело звать полицию, когда пришел на randevu.

Джим . Откуда вы знаете имя моей жены?

Фред . Слышал, как ты зовешь ее Лола.

Джим . Вы шпионили?

Фред . Я что, похож на шпиона?

Джим . Да.

Фред . Я писатель. Во всяком случае, был писателем. Пока управлял своими фантазиями, а не они мной.

Джим . Боюсь, у вас чересчур живое воображение.

Фред . Живое, живое. То-то ты спер у меня идею.

Джим . Я не присваивал ваших идей.

Фред . Не просто идею. Это был автобиографический замысел. Так что в некотором смысле ты украл у меня жизнь.

Джим . Если мой фильм чем-то напоминает вашу жизнь, уверяю вас: все совпадения случайны.

Фред . Судиться я не стану. Есть люди, которые обожают таскаться по судам. (*С оттенком угрозы.*) Я предпочитаю договориться.

Джим . Но каким образом я мог узнать ваш замысел?

Фред . Подслушал, когда я рассказывал.

Джим . Кому? Где?

Фред . В Центральном парке.

Джим . Я подслушивал, как вы рассказывали о себе в Центральном парке?

Фред . Именно.

Джим . Кому? Когда?

Фред . Джону.

Джим . Кому?

Фред . Джону.

Джим . Какому Джону?

Фред . Большому Джону.

Джим . Кому-кому?

Фред . Большому Джону.

Джим . Кто такой Большой Джон?

Фред . Не знаю. Бездомный бродяга. Был бродягой, пока не попал в приют, где ему перерезали глотку.

Джим . Вы травили байки с каким-то бродягой и считаете, что я подслушивал?

Фред . И использовал.

Джим . Я вас вижу впервые в жизни.

Фред . Ничего себе! Да я уж который месяц сижу у тебя на хвосте!

Джим . На хвосте?

Фред . Я знаю тебя, как облупленного, а ты меня даже не замечал. А ведь я не малютка. Я большой мальчик. Я, думаю, мог бы свернуть тебе шею одной левой.

Джим (*нервно*). Послушайте: кто бы вы ни были, даю честное слово...

Фред . Меня зовут Фред. Фред ван Далл. Неплохо для сценариста, а? В номинации "лучший оригинальный сценарий" — открываем конверт — приз получают Фредерик ван Далл и Джеймс Свейн за сценарий фильма "Путешествие".

Джим . "Путешествие" написал я. Сам. И замысел тоже мой собственный.

Фред . Джим, ты слышал, как я рассказывал эту историю Джону Келли. Бедняга Джон. Шел по Йорк-авеню, грузчики поднимали пианино на десятый этаж, веревка развязалась... Господи, это был кошмар.

Джим . Вы же сказали, его зарезали в приюте.

Фред . Маниакальная склонность к логике — удел ограниченных умов.

Джим . Фред, послушайте. Я в жизни не крал чужих идей. Во-первых, потому, что мне незачем — мне хватает собственных. А во-вторых — даже если б и не хватало. Понимаете?

Фред . Но это моя история. Во всех подробностях. Мой нервный срыв, смиренная рубашка, дурацкая драка с санитарями, резиновый жгут в зубах, удары током... Господи боже мой, — шокотерапия... Нет, конечно, я понимаю: я был опасен...

Джим . Опасен?

Фред . Я опасен время от времени.

Джим . Что-то я начинаю волноваться.

Фред . Не волнуйся. Придет.

Джим . Я не из-за нее. Ну, хорошо: раз вы считаете себя писателем...

Фред . Когда-то считал. Пока не сломался и не началась вся эта мура... Я писал для одного агентства.

Джим . Какая мура?

Фред . Я не хотел бы к этому возвращаться. Это довольно мучительно.

Джим . Для какого агентства вы писали?

Фред . Рекламного. Сочинял сценарии телевизионной рекламы. Вот вроде того, про суперсильный экседрин. Правда, он не пошел. Мы очень на него ставили, но — не пошел. Заказчикам не по зубам картезианство.

Д ж и м . И это вас... выбило из колеи.

Ф р е д . Еще чего. Подумаешь, не приняли сценарий. Замшелые пошляки. Нет, источником моих бед были совсем другие силы.

Д ж и м . А именно?

Ф р е д . А именно — некие лица и группы лиц, объединившиеся в подпольную организацию с целью моего устранения, унижения, нравственного и физического уничтожения. Организацию такую могущественную и разветвленную, что к настоящему времени ее тайные агенты внедрены повсюду — от ЦРУ до штаба кубинского сопротивления. Они беспощадны. Они отняли у меня работу, семью и последние сбережения. За мной следили, мой телефон прослушивался, моему психиатру посылали зашифрованные сигналы с крыши Эмпайр Стейт Билдинг прямо через мое среднее ухо на кончик его спиннинга, когда он уезжал порыбачить. Так что не надо мне заливать — поговорим как мужчина с женщиной.

Д ж и м . Ужасно, Фред. Мне вас искренне жаль. Если я могу чем-то помочь...

Ф р е д . О том и речь. А пугаться нечего. Я не так уж давно перестал пить таблетки и вполне держу себя в руках. По крайней мере, мне так кажется.

Д ж и м . Что вы принимаете?

Ф р е д . Всего понемногу — нейролептики, успокоительные.

Д ж и м . Целый коктейль, да?

Ф р е д . Только без соломинки.

Д ж и м . Но вы знаете, что совсем прекращать прием ни в коем случае нельзя?

Ф р е д . Спокойно. Я в порядке. В полном порядке. Не надо на меня наезжать.

Д ж и м . Нет-нет, я и не думал...

Ф р е д . Поговорим начистоту.

Д ж и м . Я как раз хотел попробовать убедить вас, что просто не мог бы украсть вашу идею...

Ф р е д . Жизнь, жизнь: ты украл у меня жизнь.

Д ж и м . Ни вашу жизнь, ни ваши воспоминания — называйте, как хотите. Я полагаю, что сумею шаг за шагом доказать вам, что...

Ф р е д . Логика зачастую обманчива. Ты украл мою жизнь, душу мою.

Д ж и м . Да ни к чему мне ваша жизнь. Мне вполне достаточно собственной.

Ф р е д . Кто ты такой, чтобы говорить, что моя жизнь ни к чему?

Д ж и м . Поверьте, я не хотел вас обидеть.

Ф р е д . Я понимаю — ты на взводе.

Д ж и м . Честно говоря, да.

Ф р е д . Она уже здорово опаздывает. Это не к добру.

Д ж и м . Странно... Вообще она очень пунктуальна.

Ф р е д . Почуяла что-то, как пить дать. На твоём месте я бы держал ухо востро.

Д ж и м . Само собой. Я просто хотел объяснить, что в моем сценарии...

Ф р е д . В нашем сценарии.

Д ж и м . В этом сценарии... — назовем его "этот сценарий", да? — в этом сценарии идет речь о страданиях человека, попавшего в некую психиатрическую лечебницу, которую я решил разместить в Нью-Джерси.

Ф р е д . Знаем. Бывали.

Д ж и м . Разумеется, немало людей прошли через что-то подобное. С тем же успехом они могли бы считать, что в фильме рассказана их история.

Ф р е д . Нет-нет-нет. Эту историю ты услышал от меня. Я даже сказал Большому Джону, что из нее вышло бы мировое кино. Особенно та часть, где герой устраивает пожары.

Д ж и м . Вы устраивали пожары?

Ф р е д . А то ты не знаешь.

Д ж и м . Даю слово, нет.

Фред . Я получил приказ сжечь несколько зданий.

Джим . То есть, как приказ?

Фред . По радио.

Джим . Вы слышали голоса по радио?

Фред . Я слышу оттенок недоверия в твоём голосе?

Джим . Нет~нет-нет...

Фред . Я не всегда был... ну, что называется...

Джимшизофреником?

Фред . Как ты сказал?

Джим . Просто хотел помочь.

Фред . Все такие образованные... Это вопрос терминологии. Мне поставили "деменция прекокс". Пожалуй, и впрямь звучит симпатичнее. Терминология! Она же косметология. Девушка приводит хахалю знакомиться с предками: "мамуля, папуля, это Макс, у него небольшой маниакально-депрессивный психоз". Можешь себе представить: единственное дитя собирается замуж за психа, который по понедельникам будет прыгать с крыши Крайслер Билдинг, а по вторникам скупать все подряд в "Блуминдейле". Но скажи она "знакомьтесь: Макс, у него биполярное расстройство" — и это уже звучит почти героически. Перед нами — отважный полярник.

Нет, Джим: мне поставили более прозаический диагноз. Разумеется, не "чокнутый" и не "тронутый" — там не любят шутить. Там сказали: Фред ван Далл — неуправляемый психопат с маниакальной тягой к насилию.

Джим . Психопат?

Фред . Ты же ценишь красивые этикетки.

Джим . Э-э... Вот видишь, Фред, тем более: ты, как никто зная природу психических отклонений, способен понять, почему я не исключаю, что твоё предположение о том, что я украл у тебя идею, может не быть основано на объективной реальности.

Фред . Ну кто же знает, что реально, что нет? Мы волны или частицы? Мир расширяется или сжимается? Если мы окажемся в черной дыре, где законы физики отменяются, будет мне нужен мой гимнастический пояс — или нет?

Джим . Фред, ты образованный человек и...

Фред . Диплом с отличием. Брауновский университет. Читаю на санскрите. Докторская степень по литературе. Диссертация о позитивных аспектах взаимовлияния и взаимоотталкивания Гете, Шопенгауэра и мамы Шопенгауэра. Ты спросишь, что же я тогда делал в рекламном агентстве? Имел нервные срывы. Даже не из-за того, что заказчики не сумели оценить блистательной концепции суперэкседрина. Нет: потому что они в принципе были слепы и не понимали всей оригинальности моего мышления. Вот тебе ещё пример. Публичный дом. Восемь шлюх ждут посетителей. Заходит клиент. Придирчиво осматривает каждую, бракует всех по очереди, идет к вешалке и берет стойку для зонтиков. С этой стойкой удаляется по коридору, затем ложится с ней в кровать и яростно ею овладевает. Конец эпизода. Следующий кадр: он за рулем "фольксвагена" модели "жук" — и идет надпись: "Фольксваген: для тех, у кого изысканный вкус". Видел бы ты, как они взбесились! Я тогда уже не вылезал из психушек, как будто завел годовой абонемент. А потом меня выперли из агентства, и Генриетта — моя подружка, которая до того еще терпела — думаю, потому что у самой были хорошие тараканы, она была, мягко говоря, термоядерная мазохистка, — выставила меня на улицу.

Ты правильно догадался, Джим: я очень расстроился. Я плакал. Соленые слезы струились по этим румяным щекам. Я понадеялся, что сумею вернуть ее, и стал метаться в поисках какого-нибудь подарка, который смягчит это внезапное отвращение. Генриетта обожала старинные украшения. Я решил, что может сработать антикварная шпилька или брошка в викторианском духе, и уже приглядел то, что надо, в одной лавке на Третьей авеню, как вдруг глядь — очень стильный приемничек годов сороковых. Абсолютно под мою кухню. Такой красный, пластмассовый, фирмы "Филко". Ну, принес я его домой,

включил и слышу — диктор приказывает мне поджечь то самое рекламное агентство, где я до недавних пор ишачил... Такого удовольствия в жизни не испытывал, Джим. Я тебе наскучил?

Д ж и м . Какая грустная история.

Ф р е д . Я любил ее. Генриетту. И хотя из-за ее проблем с концентрацией мы не могли разговаривать дольше сорока секунд, было что-то в наших отношениях, что держало меня на плаву. Так что мне вполне понятны твои романтические бури.

Д ж и м . Нет у меня никаких бурь.

Ф р е д . Джим, ты же разговариваешь с соавтором.

Д ж и м . Вы мне не соавтор.

Ф р е д . Тебе необходим соавтор.

Д ж и м . В жизни не работал вдвоем.

Ф р е д . Ты прекрасный ремесленник, но тебе требуется помощник, который высекает искру. Я настоящий генератор идей. Хотя, может, действительно слегка авангардных — на вкус посредственностей.

Д ж и м . Мне хватает собственных.

Ф р е д . Хватало бы — не спер моей.

Д ж и м . Я не крал.

Ф р е д . Гений передается с генами. Ты знаешь, что у меня ДНК светится в темноте?

Д ж и м . Почему вы считаете меня ремесленником?

Ф р е д . Я считаю, что ты настоящий... профессионал. Это заслуживает уважения. Автор множества экранизаций... Заметь, экранизаций — не оригинальных сценариев. А я, в свою очередь, настоящий оригинал — как Стравинский или как лицензионная копия на видео. Потому-то моя идея и помогла тебе впервые в жизни сделать что-то значительное. В ней было зерно, была искра.

Д ж и м . Я ее придумал, стоя под душем.

Ф р е д (*с внезапной яростью*). Хватит гнать! Я хочу мою половину!

Д ж и м . Ради бога, только не волнуйтесь.

Ф р е д . И не надо мне рассказывать сказки про личную жизнь. Какого дьявола ты бы гулял от Лолы?

Д ж и м . Это не ваше дело.

Ф р е д . Нет, конечно, — это твои дела.

Д ж и м . У меня нет никаких дел.

Ф р е д . Проблемы с Лолой?

Д ж и м . Никаких проблем.

Ф р е д . Я не вообще, с этим ясно. Она что-то пронюхала?

Д ж и м . Ну-ка заткнись. Ты говоришь о женщине, которую я люблю.

Ф р е д . Так что там с ней?

Д ж и м . Ничего.

Ф р е д . Джим.

Д ж и м . Ничего.

Ф р е д . Джим, кончай.

Д ж и м . Все было прекрасно, пока не родились двойняшки.

Ф р е д . Понятно. Близнецы. Кошмарное знамение.

Д ж и м . Да они чудесные мальчуганы.

Ф р е д . Мальчуганы... Девочек еще можно было бы приодеть.

Д ж и м . Они очень симпатичные, очень славные, они...

Ф р е дабсолютно одинаковые?

Д ж и м . Ну и что?

Ф р е д . И оба, как Лола, похожи на сурка?

Д ж и м . Пока они не родились, у нас был чудесный брак.

Ф р е д . Ты считаешь?

Д ж и м . Считаю. Все было замечательно.
Ф р е д . Только замечательно? Не потрясающе, нет?
Д ж и м . У нас была масса общих интересов...
Ф р е д . Назови парочку.
Д ж и м . На выходные ездили в Коннектикут, ели только натуральные продукты.
Ф р е д . Тоска какая.
Д ж и м . Любили нырять с аквалангом, поговорить о любимых книгах.
Ф р е д . Под водой?
Д ж и м . Она играла на фортепиано, я на баритон-саксофоне.
Ф р е д . Слава богу, что не наоборот.
Д ж и м . Можешь изгаляться, сколько влезет.
Ф р е д . Ну, а что секс?
Д ж и м . Это тебя не касается.
Ф р е д . У нее такие передние зубки... — не поранился?
Д ж и м . Что за пошлость.
Ф р е д . Я просто пытаюсь влезть в твою шкуру. И часто вы занимались любовью?
Д ж и м . Часто, часто. Пока двойняшки не родились.
Ф р е д . Ты, я думаю, в принципе сторонник классической позиции, верно?
Д ж и м (*с раздражением*). Мы достаточно поэкспериментировали.
Ф р е д . Что ты называешь экспериментом?
Д ж и м . Почему я должен отчитываться?
Ф р е д . Мы же с тобой напарники.
Д ж и м (*с раздражением*). Ну да, ну да. (*Маленькая пауза.*) Однажды мы устроили трио. Сойдет?
Ф р е д . Она позвала подружку?
Д ж и м . Третьим был мужчина.
Ф р е д . Ты что, бисексуал?
Д ж и м . Я его пальцем не тронул.
Ф р е д . А кто предложил позвать?
Д ж и м . Она.
Ф р е д . Интересно, почему.
Д ж и м . Мы как-то раз ночью видели такую порнушку по телику.
Ф р е д . Регулярно смотрели?
Д ж и м . Нет, конечно. Время от времени. Иногда можно позаимствовать любопытные идеи.
Ф р е д . Ага — так что ты не прочь попользоваться чужими идеями.
Д ж и м . А другой раз занялись любовью дома у ее родителей — это было на обеде в День благодарения.
Ф р е д . Оторвали гостей от индейки.
Д ж и м . Мы заперлись в ванной.
Ф р е д . Значит, известная спонтанность присутствовала?
Д ж и м . Не понимаю, с чего ты решил, что я тухлый зануда.
Ф р е д . И у Лолы бывал оргазм?
Д ж и м . Я полагаю, вопрос неуместен.
Ф р е д . Они ведь умеют симулировать, знаешь?
Д ж и м . Да чего ради ей симулировать?
Ф р е д . Ради тебя, ради твоего достоинства. Она не хотела, чтобы ты думал, что не удовлетворишь ее.
Д ж и м . Я совершенно спокоен насчет своих мужских доблестей.
Ф р е д . Ну, ты же знаешь поговорку.
Д ж и м . Какую?
Ф р е д . Про бревно в глазу.

Д ж и м . В каком смысле?

Ф р е д . Может быть, ты преувеличиваешь свои доблести.

Д ж и м . Не думаю.

Ф р е д . Тогда зачем же Лола симулировала?

Д ж и м . Это ты сказал, что она симулировала.

Ф р е д . Такие у меня сведения.

Д ж и м . Откуда у тебя такие сведения?

Ф р е д . С крыши Эмпайр Стейт Билдинг. Мне поступают сигналы. На крыше Эмпайр Стейт Билдинг установлена большая антенна, она посылает в эфир импульсы, они приходят ко мне, и каждый квант говорит: Лола не кончала, она притворялась.

Д ж и м . Слушай, я пытаюсь как-то здраво...

Ф р е д . А потом родились близнецы, Дэвид и Сет.

Д ж и м . Карсон и Джанго.

Ф р е д . Как-как?

Д ж и м . Лола обожает книги Карсон Маккаллерс3.

Ф р е д . А ты лабаешь джаз, так что...

Д ж и м . Так что мы решили назвать их не совсем обычно.

Ф р е д . Словом, ты их любишь.

Д ж и м . Обожаю. Но Лола на них просто помешалась. И вмиг жизни не стало: существовали только двойняшки — на меня, на нас уже не оставалось времени.

Ф р е д . И никаких больше подводных бесед о Прусте.

Д ж и м . Секс, ясное дело, тоже увял.

Ф р е д . И ты стал гулять.

Д ж и м . Ну, в общем... да.

Ф р е д . Угу... Теперь понятно. Послушай меня; завязывай. Заработаешь инфаркт, больше ничего.

Д ж и м . Обойдусь без советов. Я и намерен завязать. Если она наконец явится.

Ф р е д . Может, она догадывается, что ты затеял, и решила не приходить?

Д ж и м . С чего бы? Нет. Для нее это будет удар.

Ф р е д . Я должен это видеть! Покантуюсь-ка тут неподалеку.

Д ж и м . На кой дьявол мне такая романтика? Полгода по темным забегаловкам, грязным барам, занюханым номерам. Вороватые звонки по телефону, вечно на нервах, презираешь самого себя...

Ф р е д . А что говорит твой психиатр?

Д ж и м . Он говорит, заканчивайте.

Ф р е д . А ты?

Д ж и м . Я закончил. Закончил ходить к психиатру.

Ф р е д . Кстати, чтоб ты знал: они часто пишут пациентов на диктофон.

Д ж и м . Вчера вечером я пришел домой и увидел Лолу — она сидела на диване, усталая, взъерошенная, как...как...

Ф р е д . Как морская свинка?

Д ж и м . Нет, вовсе нет. Как родное существо, милая, порядочная женщина, которая всегда была моим самым лучшим другом.

Ф р е д . Ты что-нибудь обещал любовнице? Говорил, что любишь или что готов бросить семью?

Д ж и м . Никогда, что ты, ни слова, ни намека.

Ф р е д . Не знаю... чувствую какие-то флюиды, которые говорят, что, может, все-таки обещал.

Д ж и м . Чепуха!

Ф р е д . Странно, странно...

Д ж и м . Она захотела., чтоб мы вместе слетали на Карибы, дней на пять. Лоле я должен был наврать, что еду в командировку.

Фред . Ты что, согласился?

Джим . Не совсем. Сказал, подумаю. От растерянности. Мы лежали раздетые, я выпил три "Маргариты", на ободке вот такой слой соли, а я на бессолевой диете. У меня, конечно, скакнул натрий...

Фред (*безвольно роняет руки, подражая Лолу*). А потом ты вернулся домой, увидел свою милую женушку...

Джим . Да. И в ту секунду, как собрался ей соврать, понял, что люблю ее. Что люблю Лолу, несмотря на все наши дела, и что я полный идиот.

Фред . Н-да. Сцена предстоит омерзительная.

Джим . Ничего страшного. Мы с ней оба взрослые люди.

Фред . Ты же говорил, эта своего не упустит.

Джим . Ничего я не говорил.

Фред . Значит, послышалось. Был голос — думал, твой.

Джим . Люди рвут отношения каждый день — это в природе вещей, разве не так?

Фред . То-то ты подыскал укромный уголок. Предвкушаешь, что будет?

Джим . Да что с тобой говорить о женщинах. Ты все видишь в кривом зеркале.

Фред . Когда-то и я был женат.

Джим . Ты?

Фред . Помню смутно. Когда башку часто включают в розетку, память начинает барахлить. Но помню, она все звонила девять — один — один.

Джим . Знаешь, что? Хочешь добрый совет?

Фред . Валяй.

Джим . Я думаю, иди-ка ты отсюда и начинай снова принимать лекарства. Кроме шуток. И чем больше, тем лучше. Я не хочу, чтобы ты тут околачивался, когда она придет. Как-нибудь сам справлюсь.

Фред . Пожалуйста, как хочешь. Закончим дела — и меня нет.

Джим . Какие дела? У нас нет никаких дел, я не крад у тебя сюжетов.

Фред . Может, ты просто возместишь мне в следующий раз и немного увеличим мою долю?

Джим . Никакого следующего раза. Я не пишу в соавторстве. Я работаю в одиночку. Я... о, Господи...

Вдали появляется Барбара .

Слушай, все... Уходи, давай, давай...

Фред . Ты чего такой белый?

Джим . Она идет.

Фред . Ну и что? Без паники.

Джим . Ты мне совершенно заморочил голову.

Фред . Я просто сказал, что сейчас начнется.

Джим . С чего ты взял?

Фред . Эмпайр Стейт Билдинг.

Джим . Да нет, все будет нормально. Я репетировал под душем. Полтора часа. Я знаю, что говорить. Уходи.

Подходит Барбара.

Барбара . Прости, пожалуйста, я опоздала. Кто это?

Джим . Где? Не знаю... (*Головой делает знаки Фреду, чтобы тот уходил.*)

Барбара . Что, невралгия?

Джим (*протягивая Фреду деньги*). Вот, старина, держите свой доллар, как просили, отправляйтесь и хорошенько заморите червячка. Удачи... ха-ха...

Фред. Фред ван Далл. Я друг Джима.
Барбара. Что же ты не сказал?
Джим. Он шутит.
Фред. Друг и соавтор.
Барбара. Соавтор?
Фред. Мы вместе делали "Путешествие". Сюжет мой, а он, собственно, писал сценарий. *(В сторону.)* Прием!
Барбара. Что? Ничего не понимаю.
Фред. Объясни ей, Джим.
Барбара. Что объяснить?
Джим. Фред, оставь нас.
Фред. Я боюсь, ты дашь слабину.
Барбара. Джим, что-то случилось?
Фред. Лучше выложить начистоту.
Джим. Проваливай, Фред.
Фред. Барбара, Джим должен тебе кое-что сказать.
Барбара. Что сказать? О чем сказать?
Фред. О вашей внебрачной связи.
Джим. Фред спятил. Он городской сумасшедший.
Фред. Скажи ей, Джим, или я сам скажу.
Барбара. Да в чем дело?
Джим. Ты тут ни при чем.
Барбара. Не знала, что у тебя есть соавтор.
Фред. Я даю идею, а Джим возится с сюжетом и диалогами. Хотя у меня самого тоже сильный диалог. Когда-то я сочинил гениальный слоган для шикарных японских пылесосов...
Джим. Фред...
Фред. "Хороши собой и сосут без звука". Но заказчики не оценили.
Джим. Пойдем, Барбара, я хочу побыть с тобой наедине.
Фред. Он не сумеет поехать на Карибы, Барбара. Он слишком привязан к жене.
Барбара. Джим...
Фред. Он честно собирался наврать Лоле, но в последний момент оказалось, кишка тонка.
Барбара. Не верю.
Джим. Барбара, пожалуйста, постарайся понять...
Барбара. Это правда? Значит, все кончено?
Джим. Барбара, я не смогу. Я понял, что не смогу.
Барбара. Ничего себе! Ты только что уверял, что жить без меня не сможешь, строил планы на будущее, сулил золотые горы...
Джим. Тебе казалось. Я вовсе не собирался уходить из семьи.
Барбара. Значит, попользовался мной — и обратно к жене под каблук?
Джим. Я не пользовался тобой. Мы оба отлично понимали, что делаем.
Барбара. Ты думаешь, мной можно играть, как будто я персонаж из твоего сценария?
Джим. Я почувствовал, что мы зашли слишком далеко, что дальше будет хуже, и решил, пока не поздно...
Барбара. Прости, Джим, уже поздно. Я поговорю с Лолой сама.
Джим. Поговоришь с Лолой?
Барбара. Да. Думаю, если с ней поговорю я, она все поймет. *(Замолчав, беспомощно озирается.)*
Фред *(в сторону)*. Прием!
Барбара. Я не верю, что ты любишь ее больше, чем меня. Мне надо встретиться с

ней, и мы все уладим.

Д ж и м (*Фреду*). Ну, давай, скажи что-нибудь, ты же мой соавтор!

Ф р е д. Я даю идеи, диалоги — твои.

Д ж и м. Мне нужна свежая концепция.

Ф р е д. Слушай, Барбара, — могу я тебя так называть?

Б а р б а р а. Я вас впервые вижу, гуляйте отсюда.

Ф р е д. Меня зовут Фредерик ван Далл, и хотя мое имя не знакомо тебе по титрам и рекламе, я являюсь соавтором первого фильма Джима, а также изобретателем радиотелефона и растворимого кофе.

Д ж и м. Фред, ради бога!

Ф р е д. (*в сторону*). Прием-прием! Перехожу на прием!

Б а р б а р а. Но ты же обещал, Джим...

Д ж и м. Никогда. Ни разу. Как раз наоборот...

Ф р е д. Войди в его положение, Барбара. Рохля, в семье кризис, сексуальная неудовлетворенность. И вдруг — очаровательное существо, вроде тебя. Ясное дело, у мальчика едет крыша, фантазия расшалилась, он сходит с пути праведного. Но потом однажды вечером он смотрит на своих домашних и шквал воспоминаний обрушивается на него, его охватывает чувство вины, и в тот же вечер небольшой космический корабль из системы Вега посылает нейтронный луч, который проникает в этот череп...

Д ж и м. Фред, ты же хотел мне помочь...

Б а р б а р а. Прости, Джим: все эти ночи, когда мы лежали в объятиях друг друга, ты думал не о Лоле.

Д ж и м. Ты неправильно понимала. Или я. Я совершил ужасную ошибку. Мне хочется ее исправить...

Б а р б а р а. Я совершенно растеряна. Мне нужно подумать, как быть. В любом случае, я не собачка, чтобы сидеть, лежать и приносить палку по команде. Ты, наверное, должен мне как-то все это компенсировать...

Д ж и м. В каком смысле?

Б а р б а р а. Я решу. Но не надейся, что выйдешь сухим из воды. Знаешь, есть такое выражение: нет любви — давай деньгами.

Д ж и м. Но это же шантаж.

Б а р б а р а. Когда ты первый раз привел меня в ту поганую гостиничку, тебе следовало понимать, что придется платить по счетам. Я не прощаюсь. (*Уходит.*)

Ф р е д. Я знаю, о чем ты думаешь. Как прекрасно все получалось под душем.

Д ж и м. Фред...Фред... Что делать?

Ф р е д. В любом случае, не платить.

Д ж и м. Ты считаешь?

Ф р е д. Она сядет тебе на шею, будет требовать еще и еще, выпьет из тебя всю кровь, и близнецам придется ходить в государственную школу.

Д ж и м. Я должен признаться Лоле. Должен, другого пути нет.

Ф р е д. Почему?

Д ж и м. Пусть лучше она узнает все от меня, чем от коварной мошенницы.

Ф р е д. Думаешь?

Д ж и м. Плюс это помешает меня шантажировать.

Ф р е д. Ты не можешь сказать Лоле, что полгода ходил налево.

Д ж и м. Почему не могу? Я куплю цветы...

Ф р е д. Во всем Ботаническом саду нет столько цветов.

Д ж и м. Тысячи людей заводили романы, а потом понимали, что ошиблись.

Ф р е д. Ты слишком здраво рассуждаешь. Лола ни за что не простит супружеской измены. Измены отравили ей детство.

Д ж и м. Откуда ты знаешь?

Ф р е д. От верблюда.

Д ж и м . Я объясню, что это ничего не значит. Маленькая мужская шалость.

Ф р е д . Гениально. Какая жена устоит? Лола нежно улыбнется и принесет тебе свежую газету.

Д ж и м . А если все отрицать? Мало ли что плетет какая-то истеричка? Кому Лола скорее поверит?

Ф р е д . Прием!

Д ж и м . Все кончено. Мне крышка. Выхода нет. Я буду гореть в аду.

Ф р е д . Одну минутку: кажется, меня вызывают. Пошел сигнал... Чувствую, как лучи проникают в мозг...

Д ж и м . Что мне твои лучи, мне нужна хорошая идея. Ради бога, мы же оба писатели...

Ф р е д . Ужасные помехи.

Д ж и м . А может, все-таки заплатить?

Ф р е д . В такую погоду паршивый прием.

Д ж и м . Что я наделал? Грехи отцов будут на детях!

Ф р е д . Да что ж такое... Никак.

Д ж и м . Или уехать, а? Купим фургончик, будем путешествовать — она нас ни за что не отыщет.

Ф р е д . Наверное, кто-то готовит в микроволновке.

Д ж и м . Нет, это не выход. Проклятье, что делать, что делать?

Ф р е д . Потерпи... Есть! Есть!

Д ж и м . Что есть, Фред?

Ф р е д . Решение твоей проблемы поступило в кору моего головного мозга по гамма-каналу две тысячи.

Д ж и м . Поздравляю. Мой мозг не подключен к кабельному.

Ф р е д . Тебе следует избавиться от нее.

Д ж и м . Угу. Это тебе сейчас пришло в голову?

Ф р е д . Нет. Я имею в виду, избавиться буквально.

Д ж и м . В каком смысле?

Ф р е д . Голос говорит: тотальное устранение.

Д ж и м . Отлично. И как это сделать? Не убивать же ее. А другого способа я... Я...
(Понимает, что Фред имел в виду.) Фред, я серьезно, а ты...

Ф р е д . И я серьезно.

Д ж и м . Что серьезно? Убить ее?

Ф р е д . Это единственный способ сохранить семью.

Д ж и м . Ты затянул без лекарств.

Ф р е д . Принимаю зеленый сигнал. Значит, путь открыт.

Д ж и м . Фред, я не собираюсь ее убивать.

Ф р е д . Почему?

Д ж и м . Это безумие. Ты сумасшедший.

Ф р е д . А ты всего лишь невропат. Учись, пока я жив.

Д ж и м . Это не выход, а если и выход, я бы не мог им воспользоваться, а если б и мог — не стал.

Ф р е д . Почему? Это жест, достойный гения.

Д ж и м . Это невозможно ни с психологической, ни с моральной, ни с интеллектуальной точки зрения. Это бред.

Ф р е д . Это прыжок в неведомое.

Д ж и м . Пусть остается неведомым.

Ф р е д . Вопрос в том, как лучше это сделать.

Д ж и м . Никак.

Ф р е д . Я же не хочу, чтоб тебя в результате поймали. Сейчас в Нью-Йорке восстановили смертную казнь. Тыща ватт в задницу совершенно не решит твоих проблем.

Д ж и м . Мне тоже так кажется. Фред...

Фред . Нам надо спешить. Эта женщина — враг, не исключено, что она зомбирована.

Джим . Ладно, закончили.

Фред . Если ты не пойдешь на ее условия, она все расскажет Лоле. В красочных подробностях. Лола тебя любит, доверяет тебе, да, на какое-то время она посвятила себя детям, после родов это нормально, я уверен, все восстановится и вы снова будете заниматься любовью на каждый День благодарения.

Джим . Это экстремизм. Ты экстремист!

Фред . А ты рационалист. Послушай, когда все пути ведут в тупик, я предпочитаю взлететь.

Джим . Да-да: ты взлетишь, а я сяду.

Фред . Тебя не поймают. Мы все идеально спланируем.

Джим . Поймают, не поймают — я не хочу, Это нехорошо. Сказано: не убий.

Фред . Где сказано? В правилах хорошего тона?

Джим . Мне пора домой.

Фред . Послезавтра у тебя не будет дома.

Джим . Как я не почувял, на что она способна?

Фред . Потому что ты баран — славный упитанный барашек, лишенный воображения.

Джим . Я предал жену.

Фред . Безусловно. Не говоря о том, как скажется развод на невинных младенцах. Вдобавок близнецах. Мало им того, что придется жить в двойном экземпляре.

Джим . Нет, об убийстве не может быть и речи.

Фред . А как еще ты помешаешь ей пойти к Лоле? Как еще?

Джим . Не знаю. У меня страшно разболелась голова.

Фред . Сходи к акупунктурщику. Только не давай ставить иглы близко к спинному мозгу, как сделали мне.

Джим . Фред, пожалуйста...

Фред . Где она живет?

Джим . Возле "Коламбии". Фред...

Фред . Высотный дом? Там есть швейцар, который сможет тебя опознать?

Джим . Есть.

Фред . Какой этаж?

Джим . Двенадцатый.

Фред . Лифтер имеется?

Джим . Нет. Только швейцар.

Фред . Круглосуточно? Вряд ли.

Джим . Он все время уходит пить кофе.

Фред . Тогда можно подняться по лестнице.

Джим . Его не бывает минут десять, не дольше. Этого мало, чтобы взбежать на двенадцатый этаж, убить и вернуться.

Фред . Она кому-нибудь рассказывала о вашем романе? Может, подруге?

Джим . Нет, никому. Ни она, ни я. Я знаю точно.

Фред . Не забудь по пути купить перчатки.

Джим . Естественно. Не хватает оставить повсюду пальчики, чтобы... Фред, о чем мы говорим? Я совершенно не собираюсь ее убивать.

Фред . Придется, старичок. Или — прощай, Лола, простите, детки.

Джим . Это бесчеловечно! Я что, должен незамеченным пробраться в дом...

Фред . Так.

Джим . Позвонить в дверь...

Фред . Она будет ждать. Ты сначала предупредишь по телефону, что хочешь зайти.

Джим . А потом что — задушу ее?

Фред . Это уж как решишь, выбирай сам. Задушишь, прибьешь, нарежешь кухонным

ножом...

Джим. Можно удавить телефонным шнуром.

Фред. Пожалуйста.

Джим. Или полиэтиленовый пакет на голову?

Фред. Инсценируй самоубийство... не знаю... ограбление.

Джим. Идеально. Я мог бы сочинить записочку, а лучше под каким-нибудь благовидным предлогом заставить, чтоб она сама написала. Ее как раз недавно уволили из журнала. Одинокая женщина, депрессия...

Фред. Смотри, какая идея: если бы ты сумел раздобыть немного крови ее группы — ты покупаешь пистолет и патроны, берешь плоскогубцы, вынимаешь пулю, делаешь с нее формочку, в этой формочке замораживаешь кровь, вставляешь в гильзу, приходишь и стреляешь ей в грудь. Она убита пулей из замороженной крови, пуля растворяется в теле — группа крови совпадает, — полиция находит убитую, но пули не обнаруживает. Входное отверстие есть — выходного нет. (*В сторону.*) Прием!..

Джим. Можно уронить какую-нибудь вещицу на улице, попросить прохожего поднять, он оставит отпечатки. Потом я веду Барбару в знакомую гостиничку, записываюсь под именем Сэм и Фелиция Арбогаст⁴, убиваю ее, оставляю в номере вещь с чужими отпечатками и смываюсь по пожарной лестнице.

Фред. Фелиция, Фелиция... Мне не нравится: старомодное имя.

Джим. Не вопрос. Джейн Арбогаст.

Фред. И потом — ты даешь образец почерка. Ничего не стоит провести экспертизу.

Джим. Я буду писать левой рукой.

Фред. Подожди-ка, подожди... Нет, это тоже не получится.

Джим. Что?

Фред. Я подумал: ты запираешь ее в туалете, вставляешь в замочную скважину резиновую трубку и высасываешь весь воздух.

Джим. Я читал рассказик про то, как жена забила мужа бараньей ногой, а потом съела орудие убийства. Очень смеялся. (*Смеется.*) Съела орудие убийства.

Фред. Ничего смешного, Джим. Тебе надо устранить эту женщину и как можно скорее.

Джим. Нет, Фред. Я не в состоянии.

Фред. В конце концов, может быть, самое лучшее — пригласить ее в кафе, потом пришить в темном переулке и ограбить. Пусть выглядит как разбой.

Джим. Я не буду этого делать.

Фред. А с другой стороны, может, на самом деле тебе хочется порвать с семьей.

Джим. С чего ты взял?

Фред. Ну да — сбросить эту гримзу со своей шеи, избавиться от странной парочки однойцевых пареньков и с полным нравом говорить, что это не ты сломал им жизнь, ты не мог ничего поделаться — ревнивая мерзавка разрушила семью.

Джим. Пожалуйста, избавь меня от своих псевдофрейдистских озарений.

Фред. Само собой — ты снова станешь свободен. Разведенный драматург, новая жизнь, актрисы, модели, ночные клубы.

Джим. Перестань.

Фред. Я угадал?

Джим. Пойми, я не отрицаю, что крупно прокололся. Я не говорю, что огорчился бы, если Барбара вдруг...вдруг...

Фред. Ну, скажи.

Джим. Скончается. Но она живой человек.

Фред. Ты так говоришь, как будто это хорошо.

Джим. Разве нет?

Фред. Как посмотреть. Ты когда-нибудь ходил на общее собрание жильцов?

Джим. Может быть, я действительно виноват перед ней. Может, недооценивал своей

ответственности.

Фред. Ты вел себя как полный идиот. Чутьочку не хватало внимания, романтики — и ты с головой бросаешься в адюльтер. Тайные ласки, милые шалости, то-се. Теперь ты одумался — но уже поздно. Ты, оказывается, напоролся на интриганку. И в результате имеешь жалкий вид. Но это не страшно, большинство людей имеет жалкий вид. Впрочем, с другой стороны, посмотри на меня: я трагичен.

Джим. Я жалок, а ты трагичен?

Фред. Ну, конечно. Во мне есть величие. Легла бы карта иначе — я мог бы стать Шекспиром или Мильтоном.

Джим. Шутишь? С этой хохмой про восемь шлюх и "фольксваген"?

Фред. У тебя есть последняя возможность искупить свой грех. Предотвратить распад семьи, остановить мстительную тварь, которая не сумела заполучить, что хотела, и теперь пустится во все тяжкие.

Джим. Это безнравственно.

Фред. А то, что ты делал до сих пор, — нравственно? Ты изменял жене, врал, нарушал брачный обет.

Джим. Да, согласен. Но я не убивал.

Фред. Ты говоришь "убивал" таким тоном, будто это что-то немыслимое. Для истинно творческих умов, вроде моего, — это лишь одна из возможностей.

Джим. Вот в чем разница между нами, Фред. У тебя мания величия. А я человек земной. Я не получаю указаний с крыши Эмпайр Стейт Билдинг или с космического корабля.

Фред. Это дело поправимое. Я знаю одного нейрохирурга, поставит тебе хорошую тарелку.

Джим. Я признаю иудео-христианскую мораль.

Фред. Получаешь указания от мирового сионизма?

Джим. Ты путаешь психоз и вдохновение.

Фред. Ну хорошо, не веришь мне — почитай рецензии. Что, по-твоему, критики имели в виду, когда вежливо называли тебя прекрасным профессионалом?

Джим. Что в своем деле я мастер. А ты всего лишь псих.

Фред. Вот почему вместе мы отличная команда.

Джим. Да не хочу я быть с тобой в одной команде.

Фред. Ты просто трусишь.

Джим. Возможно. Но это мой выбор. Я решительно отвергаю насилие. Я понимаю, что меня ждет, но за свои поступки надо отвечать, и даже если Барбара решила превратиться в гадюку, лишить ее жизни для меня совершенно неприемлемо.

Фред. Вот где корень твоих проблем, дружок. Ты не способен шагнуть в неведомое.

Возвращается Барбара.

Барбара. Нам надо поговорить.

Джим. Барбара, я подумал...

Барбара. Хорошо, что ты еще не ушел.

Фред. Барбара, у тебя нет аллергии на средства от тараканов?

Джим. Фред!

Барбара. Нам надо поговорить с глазу на глаз.

Фред. С глазу на глаз? Как же это устроить?

Барбара. Чтобы вас здесь не было.

Фред. Но мы соавторы.

Джим. Ладно, Фред, оставь нас ненадолго, мы же с тобой не сиамиские близнецы.

Фред. А как же наши совместные творческие планы?..

Джим. Прошу тебя, нам с Барбарой надо поговорить. Пойди пока поболтай с

центром управления.

Фред. Ладно. Валяйте. Я ушел. (*Джиму вполголоса.*) Видишь красную ауру вокруг нее? Единственный раз я видел такую же вокруг Никсона. (*Уходит.*)

Джим. Барбара, прости меня. Мне очень, очень жаль.

Барбара. Мне надо было взять себя в руки.

Джим. Я решил, что совершенно убил тебя.

Барбара. Просто ты застал меня врасплох, я была не готова.

Джим. Пожалуйста, прости. Расставание никогда не бывает легким.

Барбара. Я сама знала, на что иду.

Джим. Я действительно не давал тебе никаких обещаний. Мы оба взрослые люди.

Барбара. Я была тогда выбита из колеи. Потеряла работу, стала попивать...

Джим. Я понимаю. И у меня дома было неладно. Может, там уже ничего не поправить, но заводить интрижку на стороне, конечно, не выход. Если я могу что-то для тебя сделать...

Барбара. Триста тысяч долларов.

Джим. ...ты только скажи.

Барбара. Триста тысяч сейчас и двести в конце года.

Джим. Прости, что?

Барбара. Ты неплохо получил за сценарий. Думаю, пол-лимона осилишь.

Джим. Барбара, что ты говоришь, подумай!

Барбара. *Ты* подумай. Я могла бы сломать тебе жизнь, но не буду. Это чего-нибудь да стоит.

Джим. Полмиллиона долларов?

Барбара. Ты собираешься торговаться? Ну ладно, тогда я пошла к Лоле.

Джим. Я не могу заплатить такие деньги.

Барбара. В смысле — не хочешь.

Джим. И не хочу. Даже если бы мог. Потому что ты ведь не остановишься. Ты будешь доить меня в будущем году, и через год.

Барбара. Джим, не в твоём положении диктовать правила игры.

Джим. Я пытаюсь выбраться из дерьма, в которое угодил, а не закопаться поглубже. Так мы никогда не расстанемся. Год за годом ты будешь пить из меня кровь, а я не смогу даже пикнуть.

Барбара. Деньги я хочу получить завтра — в смысле первый платеж. У тебя есть сутки.

Джим. Мне не нужны сутки.

Барбара. Если не появишься завтра до полудня, я буду считать, что ты выбрал скандал. Решай. Спокойной ночи.

Она уходит. Джим не знает, куда пойти, затем достает мобильный телефон.

Джим (*с нафосом*). Ничего ты не будешь считать. Потому что я сам, сам все расскажу Лоле. Я покаюсь. Я буду рыдать и ползать на коленях. Лола интеллигентный человек — может, она сумеет меня простить. Не будем загадывать. Но я не смогу существовать, зная, что в любой момент мою жизнь можно пустить под откос. Она ведь будет требовать больше и больше. И я буду вынужден давать. И больше и чаще. Что я скажу Лоле? Прости, Лола, мы теперь не сможем платить за эту квартиру — но я не скажу тебе, почему. С отпуском тоже не получится, и вообще мальчикам придется пойти работать. Бедные двойняшки...

На сцене появляется Фред и молча смотрит на Джима, который, не видя его, говорит по телефону.

Алло, Лола, это Джим. Джим Свейн. Твой...твой муж. Твой старый Джим Свейн, Джим Свейн, ха-ха-ха... Ну что, как поживаешь? Неплохо?.. Да, все в порядке. Что? Нет, не выпил. Просто захотелось поболтать. Ты знаешь — я тебя люблю, ха-ха... Лола, я хочу тебе кое-что сказать...

Фред вырывает у него телефон и бросает на землю .

Ф р е д . Что ты делаешь?

Д ж и м . Это *ты* что делаешь?

Ф р е д . Ты что, собрался признаться Лоле?

Д ж и м . Да, собрался. Знаешь, ты прав: у Барбары очень красная аура. Я уверен, что тоже видел ее. Она хочет пятьсот тысяч долларов. Для начала. Нормально, да? Триста тыщ завтра, а остальное до конца года. Но я не заплачу. Ни доллара, ни цента.

Ф р е д . Не надо волноваться. Через двадцать минут Барбара будет в Атлантическом океане. Или в Покипси — если течение идет вверх.

Д ж и м . Ты не понял, Фред... Ты... Ты же не?..

Ф р е д . Я не ошибся, Джим: она получала приказы из другой галактики.

Д ж и м . Фред, скажи — ты ведь пошутил?

Ф р е д . Успокойся, тебя никто ни в чем не заподозрит.

Д ж и м . Господи боже мой...

Ф р е д . Остроумно придумали: вживили ей компьютерный чип прямо в ухо. Она была частью их плана порабощения Бронкса.

Д ж и м . Мне надо отсюда уйти.

Ф р е д . Если ее когда-нибудь и найдут — где-нибудь в открытом океане, — это будет выглядеть как самоубийство. Без вариантов. Ты же сам говорил: одинокая женщина, потеряла работу.

Д ж и м . Ты бросил ее в Гудзон?

Ф р е д . Все наши с тобой разработки... Литературщина. Лучшие сюжеты — простые сюжеты. Я сидел на лавке, она шла мимо, вокруг никого, и я почувствовал вдохновение. В этом разница между нами, Джим: ты бы начал анализировать и рассуждать. А я не гонюсь за правдоподобием, мне логика необязательна. Я просто пошел за чувством.

Д ж и м . Меня сейчас вырвет.

Ф р е д . Слушай, Джим: забудь про отчисления за фильм, забудь о совместной работе. На самом деле я вовсе не хочу возвращаться в писатели — я и забыл, какое скучное это дело. Скучное и одинокое, Джим. А меня зовут в экипаж "Аполлона". Поговаривают о пилотируемом полете на альфа Центавра. Но ты не бросай кино. Ты прекрасный профессионал, хотя я все-таки посоветовал бы тебе поискать соавтора: в этом нет ничего зазорного — признать, что не справляешься в одиночку.

Д ж и м . Я в полном шоке.

Ф р е д . Посмотри на звезды, Джим. На многих из них тоже есть жизнь. Но это вовсе не значит, что там друзья. Цель нашей экспедиции — изучить кое-какие подозрительные закоулки Вселенной. Мы должны быть готовы встретить любую неожиданность лицом к лицу. Президент в курсе, мы с ним подробно все обсудили. Там отнюдь не райские кущи...

Звонит мобильник. Джим отвечает .

Д ж и м . Слушаю. Лола? Да. Нет, ничего — просто разъединилось. Нет-нет. Я хотел сказать... Я позвонил, потому что соскучился по тебе. Я найду за тобой на работу и вместе пойдем домой. Я люблю тебя. Я тебя люблю. Я... знаешь, Лола... *(Уходит, пока Фред произносит монолог.)*

Ф р е д . С Нептуном попробую договориться по своим каналам. Хотя там может быть ловушка. Даже не понимаю, чем мы их так разозлили. Ничем, говоришь? А ты подумай

получше. Не умеешь ходить налево — не ходи, и скажи спасибо, что все обошлось: слишком велика цена — любовь к Лоле. Прием!

Затемнение .

Олд-Сэйбрук

Олд-Сэйбрук

Занавес открывается. Загородный дом в Коннектикуте. Сочетание американской старины и современности; возможно, большой каменный очаг; лестница на второй этаж. Хозяева — Шейла и Норман — затеяли барбекю и пригласили в гости сестру Шейлы Дженни с мужем Дэвидом .

Слышно, как кричат гуси.

Дженни, Шейла и Норман наливают себе выпить, перед тем как отправиться в сад к мангалу.

Шейла (*глядя в окно; задумчиво*). Смотри, Норман: гуси вернулись.

Норман. Похоже на реплику трагической героини в русской пьесе.

Дженни. Терпеть не могу русские пьесы. Ничего не происходит, а деньги дерут, как за мюзикл.

Шейла. Подумать только: каждый год по пути на юг гуси прилетают на наш пруд, чтобы несколько дней передохнуть.

Норман. Я тебе говорил — Олд-Сэйбрук входит в моду.

Дэвид. Что хочет сказать нам природа-мать с помощью этой гусиной стаи?

Шейла. Что же?

Дэвид. Она хочет сказать, что всех нас ждет старость и распад. Собственно, об этом она твердит нам постоянно.

Дженни. То же самое он внушает своим пациентам. Ему хорошо рассуждать — он пластический хирург.

Шейла. Один-ноль в пользу твоей жены, Дэвид.

Дэвид (*поднимая бокал*). За гусей.

Дженни. Нет: за Нормана и Шейлу. С годовщиной свадьбы!

Норман. За семь счастливейших лет моей жизни. По крайней мере, года за два. Шутка.

Шейла. Фрейд сказал — шуток не существует.

Норман (*поднимая бокал*). За Зигмунда Фрейда, певца der Penisneid — зависти к пенису.

Дэвид. А теперь с вашего разрешения пойду погляжу, как сыграет Тайгер Вудс. Прошу не беспокоить до полной готовности мяса. (*Скрывается в маленькой комнате.*)

Дженни (*Шейле, уходя*). Поставлю-ка еще льда. Это лучшее, чему я научилась на кулинарных курсах.

Дэвид (*возвращаясь*). А где у вас фисташки?

Шейла. Даже не знаю.

Дэвид. Я не могу смотреть гольф без фисташек.

Шейла. Дэвид.

Дэвид. Без отборных солененьких фисташек.

Шейла (*идет на кухню*). Есть кэшью.

Дэвид. Кэшью — это баскетбол. Гольф — это фисташки.

Н о р м а н . Дэвид, я понял.

Дэвид скрывается в комнатке .

Я понял, что символизируют гуси. Неотвратимость. Ведь их крик — брачный призыв, а это, считай, катастрофа.

Звонок в дверь.

Н о р м а н (*громко*). Шейла — к тебе?

Ш е й л а (*возвращаясь в комнату*). Да нет.

Они открывают дверь и видят перед собой другую семейную пару: это Хэл и Сэнди Максвеллы.

Добрый день.

Х э л . Привет-привет. Надеюсь, мы не потревожили?

С э н д и (*слегка смущенно*). Ну это глупо, Хэл.

Х э л . Меня зовут Хэл Максвелл, это моя жена Сэнди. Ехали мимо, не хотели к вам врываться, но когда-то мы жили в этом доме.

Ш е й л а . Правда?

С э н д и . Да, девять лет. А потом продали его мистеру Курояну.

Х э л . Макс Куроян, довольно известный писатель, слыхали?

Н о р м а н . Конечно, еще бы. А мы здесь уже почти три года. Норман Поллак, Шейла, моя жена. Прошу — не стойте на пороге.

С э н д и . Не хочется вас беспокоить. Мы теперь в Нью-Джерси, а сюда заехали на денек побродить по барахолкам и вот — оказались в двух шагах.

Ш е й л а . Пожалуйста, входите. Осматривайтесь, не стесняйтесь.

Н о р м а н . Стало быть, вы тут жили?

Ш е й л а . Выпьете с нами?

Х э л . Черт побери, с удовольствием.

С э н д и . Ты за рулем.

Зайдя в дом, Максвеллы осматриваются.

Ш е й л а . Ну как?

Х э л . Сразу столько воспоминаний...

Н о р м а н . Что наливать?

Х э л . Мне бы сейчас хорошего скотча, а вообще что угодно.

Н о р м а н . А вам?

С э н д и . Если можно — чуть-чуть белого вина. Если есть.

Н о р м а н . Белого нет, но есть абсолютно бесцветный мартини.

Сэнди смеется — шутка ей понравилась.

Х э л (*глядя в окно*). Кто это вырыл бассейн?

Н о р м а н . Мы.

Х э л . Почему такой формы?

Н о р м а н . Амеба. Бассейн в форме амебы.

Х э л . Амебы... Такие микробики, да?

С э н д и . Хэл...

Входит Дженни.

Шейла . Дженни, познакомься — это...

Хэл . Максвеллы.

Шейла . Они когда-то жили в этом доме.

Сэнди . Просто захотелось заглянуть. Мы здесь поженились.

Дженни . Правда? Какая прелесть.

Хэл . В саду. Под кленом. Его больше нет, теперь там бассейн.

Шейла . Проголодались?

Сэнди . Нет-нет...

Хэл . Перестань. Мы голодные как волки.

Норман . Так оставайтесь. Сейчас будут стейки. Жарим в саду.

Сэнди . Нет-нет, мы не можем.

Хэл . Э-э-э... мне — с кровью.

Дэвид (*вынырнув из комнаты*). Кто пришел? Только Тайгер собрался бить — слышу, звонок. Видно, он ему и помешал: промазал Тайгер.

Дженни . Это мой муж, Дэвид, а это...

Хэл . Хэл и Сэнди Максвеллы — мы когда-то жили здесь.

Дэвид . Потрясающе. А куда вы засунули фисташки?

Дженни . Дэвид, в этом доме Хэл и Сэнди жили после свадьбы.

Дэвид . Серьезно? В гольф играете?

Хэл . Нет.

Дэвид . Отлично. Надо будет сыграть.

Дженни . Зимой волейбол, летом гольф. К вопросу о Фрейде: Дэвиду нравится смотреть, как мальчишки загоняют мячики в дырочки. (*Выходит.*)

Хэл . Слушайте, а что случилось с полом, тут были роскошные полы?

Норман . Полы? Полы мы переделали.

Хэл . Застелили деревянные полы? Зачем?

Норман . Хотелось чего-то более гладкого.

Сэнди (*бросив взгляд на мужа*). Получилось замечательно.

Хэл . На этом полу мы когда-то впервые занимались любовью.

Сэнди . Хэл!

Хэл . Вон там, где кофейный столик. Нам было вполне гладко.

Сэнди . Хэл...

Шейла . Да... Как романтично.

Хэл . По-моему, тоже. Сэнди смущается. Еще бы: такое не забудешь. Если учесть, что мы оба были женаты.

Сэнди . Хэл!

Шейла . Ну и ну.

Хэл . Да нет, поймите правильно. Мы напились, началась гроза, в доме отрубился свет, мы оказались наедине, и вдруг молния, и я увидел Сэнди, ее сочные губы, растрепавшиеся волосы — была ужасная влажность, — я почувствовал, как она притягивает меня, какие наслаждения меня ждут...

Шейла . Чем вы занимаетесь, мистер Максвелл?

Хэл . Можно просто Хэл. Я бухгалтер. Вижу: вы разочарованы.

Шейла . Да почему же?

Хэл . Решили, что я поэт, верно? Я не похож на типичного счетовода. Или похож?

Шейла . Не знаю... Счетоводы тоже бывают поэтами. Особенно в налоговой.

Хэл . Я уверен, что способен на большее, но пока смелости не достаёт.

Сэнди . Хэл мечтает написать величайший американский роман.

Хэл . Пьесу, Сэнди, пьесу, а не роман. Впрочем, я сочинил и несколько

стихотворений. Сонеты. О вреде холестерина.

Сэнди. Вы знали прежнего хозяина, мистера Курояна?

Норман. Только понаслышке.

Хэл. Я его видел, когда мы продавали дом. Разговора, правда, не получилось, он человек замкнутый. Но очень серьезный писатель.

Норман. Прошу прощения, пойду-ка помогу ее сестре. Когда Дженни пытается развести огонь — раньше вечерних новостей за стол не сядешь. *(Уходит.)*

Сэнди. А чем занимается ваш муж, миссис...

Шейла. Просто Шейла. Он зубной врач.

Хэл. Ну, это не лучше моего. В смысле... я хочу сказать... А ваша сестра? Она фотомодель?

Шейла. У нее магазин женского белья на Манхэттене, а ее муж ремонтирует фасады. Я имею в виду не дома: он пластический хирург.

Сэнди смеется над ее шуткой.

Сэнди *(глядя в окно)*. А скворечник остался.

Хэл. Я сам его сколотил. И спроектировал тоже.

Сэнди. В манере позднего Гуггенхайма.

Хэл. Так-так, ну а про тайник вы знаете?

Шейла. Нет.

Хэл. Ясное дело, мы бы тоже не узнали. Нам рассказал первый хозяин, который построил этот дом. Мистер Уорнер. Он устроил за очагом тайничок.

Шейла. Тайничок?

Хэл. Ну да.

Сэнди. Покажи, Хэл.

Хэл. Вот смотрите: прямо за этим камнем, надо только знать, где нажать. *(Нащупывает потайной рычажок.)*

Сэнди. Первый сверху, тянете там за рычажок...

Хэл. Ага, нашел. Внимание...

Шейла *(заглядывая, в открывшийся тайник)*. Ничего себе. Удивительное рядом.

Хэл. Как же вы не знали?

Шейла. Понятия не имела. Столько раз там прислонялась к камину — мне и в голову не могло прийти... Ну надо же, настоящий тайник! А что в нем лежит?

Сэнди. Где?

Шейла *(достает из тайники потрепанную записную книжку и читает вслух)*. "Я пишу этот дневник, чтобы сохранить самые романтичные и пронзительные мгновения в моей жизни". *(Поднимает глаза.)* Хм. Что это? *(Листает дневник. Читает.)* "Ее груди затрепетали в моих ладонях, у нас перехватило дыхание..."

Хэл. Так-так?

Шейла *(продолжает читать)*. "Хроника моего романа с Дженни, сестрой Шейлы. Норман Поллак". *(Поднимает глаза.)*

Хэл. Норман Поллак — ее муж.

Сэнди. Что ж, было очень приятно познакомиться...

Шейла. Норман, можно тебя на минутку?

Сэнди. Мы, пожалуй, пойдем...

Норман *(входя)*. Ты что-то сказала, дорогая?

Шейла. Ты жалкий подлый сукин сын.

Норман. Что, прости? *(Понимает, что Шейла что-то нашла.)*

Сэнди. Нам очень понравилось, как вы устроили дом...

Шейла. Твой?

Норман. Что — мой?

Хэл . Она нашла ваш дневник. Плохо дело.

Норман . Что нашла? Вы шутите?

Шейла . Тут твое имя.

Норман . Помилуй, Шейла, да в телефонной книге, наверное, сто Норманов Поллаков.

Шейла . Это твой почерк.

Норман . Тысячи людей пишут "д" хвостиком кверху.

Шейла . Здесь вложена фотография. На ней ты лапаешь Дженни за грудь.

Норман . Пока это единственная серьезная улика.

Шейла (*читает дневник*). "Совершенно потерял голову. Никогда в жизни не испытывал такого сумасшедшего блаженства, как занимаясь любовью с сестрой собственной жены".

Сэнди . Если как-нибудь окажетесь в Натли...

Норман . Где ты его нашла?

Хэл . Когда мы покупали этот дом, хозяин показал мне тайничок.

Сэнди . Помолчи, Хэл.

Норман . Так это вы навели?

Хэл . Откуда я знал, что вы долбитесь с ее сестрой?

Норман . Шейла, послушай: прежде чем делать выводы...

Хэл . Гиблое дело, Норман. Улики налицо.

Сэнди . Я сказала, умолкни!

Шейла (*читает дневник*). "В Танглвуде сидели вчетвером на лужайке, любовались луной, моя рука тихонько скользнула ей под юбку, и вдруг мне показалось, что Шейла заметила".

Хэл . Ну-ну? Дальше.

Норман . Слушайте, это вас не касается!

Шейла . "Сегодня Дженни притворилась маленькой девочкой, и я отшлепал ее. Она ужасно завелась, и мы занялись любовью".

Хэл . На минуточку, не разрешите взглянуть?

Сэнди . Хэл, заткнись!

Дженни (*входит*). Норман, извини, я не могу справиться с огнем.

Шейла . Ай-ай-ай, она не может справиться с огнем. Ах ты, маленькая шалунишка! Придется Норману опять тебя отшлепать.

Дженни (*не понимая*). Что-что?

Норман . Она нашла мой дневник.

Дженни . Что нашла?

Шейла (*читает*). "Сегодня был дома у Дженни, любили друг друга на их супружеском ложе".

Дженни . Ты ведешь дневник?

Норман . Я прятал его в абсолютно надежном месте. Но он показал ей, где.

Хэл . Откуда я знал, что вы трахаетесь? Я просто показал тайничок, безо всякой задней мысли.

Дженни . И какого же дьявола ты ведешь дневник?

Хэл . Так удобней следить за налогами.

Сэнди . Ну что ж... Я уверена, все наладится. А мы с вашего позволения...

Шейла . Черта с два. Вы остаетесь здесь. Будете свидетелями.

Хэл . Свидетелями? Будет на что посмотреть?

Шейла . И давно у вас роман?

Норман . Я бы не стал пару невинных свиданий называть романом.

Шейла (*заглядывая в дневник*). Судя по этому, только в День президентов вы спарились четыре раза.

Норман . Допустим. Но вы же знаете — принято одновременно отмечать дни

рождения Линкольна и Вашингтона.

Хэл. Я вообще не вижу большой проблемы. За городом все гуляют.

Сэнди. Ты считаешь?

Шейла (*листая дневник*). Откуда вы нахватались таких позиций?

Дженни. Это из гимнастики ушу.

Хэл (*оглушительно хохочет*). Ты слышала?

Сэнди. Слышала, слышала. Мы с тобой тоже жили за городом — собственно говоря, в этом доме, — надеюсь, ты все-таки не гулял. Потому что лично я не гуляла.

Хэл. Ну, конечно, не гулял.

Сэнди. Зачем же говоришь?

Хэл. Я в принципе.

Сэнди. А Холли?

Хэл. Холли Фокс? Не смей меня. С какой стати? Только потому, что она актрисулька?

Сэнди. Хотя бы. А еще потому, что ты уверял, что она не такая уж и красивая — а сам несколько раз произнес ее имя во сне.

Хэл. Не надо валить с больной головы на здоровую. Это ты западала на ее братца.

Сэнди. Можешь поверить: если бы я западала на Кена Фокса, мне стоило только пальчиком пошевелить.

Хэл. В каком смысле?

Сэнди. В том смысле, что он подкатывался ко мне раз в неделю в течение года. Бедняжка.

Хэл. Интересно. Впервые слышу.

Шейла. И давно вас захлестнула страсть?

Нормани Дженни (*вместе*). Недавно.

Дженни. Года три.

Норман. Полгода.

Дженни. Год.

Норман. Полтора.

Дженни. Недавно.

Норман. Были большие перерывы.

Шейла. Как же ты могла — ты, моя сестра?

Дженни. Сама не понимаю. Мы влюбились.

Норман. Любовь тут ни при чем. Чистый секс.

Дженни. Ты говорил, что любишь меня.

Норман. На самом деле я ни разу не употребил этой формулировки. Я говорил "ты мне нравишься", "я скучаю по тебе", "ты нужна мне", "не могу без тебя жить". Но про любовь ни слова.

Шейла. Значит, все это время ты делил со мной постель — и пялил Дженни?

Норман. А куда было деваться, если она меня соблазнила?

Дженни. Я тебя соблазнила?

Норман. Года три назад я зашел к ней в магазин, хотел купить тебе подарок. Выбрал кое-что симпатичное, спросил у Дженни, подойдет ли тебе по размеру, она сказала, что размер у вас одинаковый, и предложила примерить: она наденет, а я посмотрю. Мы зашли в кабинку, она быстро надела...

Хэл. Что надела?

Норман. Лифчик. Мы мерили лифчик.

Сэнди (*Хэлу*). Что ты суешься?

Хэл. Стараюсь не потерять нить.

Сэнди. Она тебе понравилась?

Шейла. Как, и вам тоже?

Хэл. Да с чего вы взяли?

Сэнди . Ты же сказал, что она, наверное, фотомодель. А как ты тянул лапы к его дневнику?

Хэл . Но что поделать, если я оказался невольным свидетелем извечной драмы?

Шейла (*протягивая ему дневник*). Пожалуйста, прошу. Вы как знаток литературы оцените эту смесь Роберта Браунинга с журналом "Горячий пистон".

Хэл . В сущности я не... (*Взяв дневник, погружается в чтение.*)

Сэнди . Давай-давай, Хэл. Вникни в детали ее половой жизни. Уверена, ты получишь удовольствие.

Хэл (*листая дневник*). Меня это интересует просто как... ну...

Сэндикак всякого кобеля младше девяноста.

Хэл . Слушай, Сэнди, да я бы мечтал, чтоб у меня жена была хоть вполовину такая рисковая, как она.

Сэнди . Через мой труп.

Хэл . А я не о нашей интимной жизни.

Сэнди . Ну, извини, если что не так.

Хэл . Послушай, фактически ее нет. Я просто хочу сказать — если бы ты не отказывалась попробовать что-то новое, хотя бы иногда поэкспериментировать...

Сэнди . Что ты называешь экспериментом? Переспать втроем с Холли Фокс?

Хэл . А что *ты* называешь экспериментом?

Сэнди . Я не ставлю эксперименты. Мы занимаемся любовью, а не проводим научные опыты.

Шейла . Ты всегда любил читать о дантистах-извращенцах, которые дают пациенткам наркоз и берут их спящими.

Норман . Я не дантист-извращенец. Я извращенец-протезист, пора бы тебе знать разницу. Послушай, я полностью признаю свою вину. Если тебе надо кого-то обвинять — пожалуйста, вини меня.

Шейла . А кого же я, черт побери, виню?

Дэвид (*появляясь из комнатки*). Все, Тайгер наконец попал.

Хэл . Норман тоже.

Дэвид . Серьезно?

Шейла . Присоединяйся, Дэвид, мы тебе кое-что покажем.

Дэвид . Это не ждет?

Шейла . Не знаю. Как бы не перестояло.

Дженни . Не будь сволочью.

Шейла . Присядь на минутку, Дэвид.

Хэл . Сэнди, быстро, — где камера?

Сэнди . В машине.

Шейла . Почитай-ка это, Дэвид, — посмотрим, узнаешь ли ты кого-нибудь из действующих лиц.

Дэвид (*берет дневник*). Это что такое? Тайгер идет на рекорд.

Норман . Дайте человеку расслабиться, пусть смотрит свой гольф. Это его не касается.

Хэл . Может, у него возникнут новые интересы.

Дэвид читает.

Шейла . Ну как, узнаешь?

Хэл . Конечно, узнает.

Дэвид . Кого?

Шейла . Героев. Замужняя женщина по имени Дженни и некий зубной врач.

Дэвид . Замужняя женщина по имени Дженни? Откуда я могу ее знать?

Шейла . Может, вместе завтракали?

Дэвид . Что это — какая-то дурацкая порнушка? Зачем мне ее читать, я смотрю переходящий кубок Штатов.

Шейла . Ты женат на переходящем кубке Штатов.

Норман . Дженни...

Шейла . Норман!

Норман . Шейла.

Дэвид . Ну и что? Я не въезжаю.

Хэл . Я дам ему подсказку?

Сэнди . Не лезь, Хэл.

Хэл . Не понимаю, как можно не догадаться!

Шейла . Ты считаешь, это простое совпадение, что героя зовут Норман, а героиню Дженни?

Дэвид . Да. А что?

Шейла . Твою жену тоже зовут Дженни, а моего мужа — Норман.

Дэвид . Ну и?

Сэнди . И он тоже врач, понимаете?

Шейла . Взгляни на фото. Узнаешь?

Норман . Шейла!

Хэл . Протест отклонен.

Дэвид . Да... Это твой муж с какой-то киской.

Шейла . Так-так... ты видишь его язык?

Дэвид . Вижу.

Шейла . И где у него язык?

Дэвид . Во рту.

Шейла . А другой конец?

Дэвид . У киски в ухе.

Шейла . А где его руки?

Дэвид . Левая — у нее между ног, правая — под блузкой. Норман, это какой-то новый вид диагностики?

Шейла . А женщину не узнаешь?

Дэвид . Погоди, погоди... Точно, я ее откуда-то знаю.

Шейла . Хочешь подсказку?

Дженни . Прекрати, наконец!

Шейла . Помнишь, много лет назад на вечеринке ты познакомился с девушкой? Вам показалось, что вы знали друг друга всю жизнь, вы стали встречаться...

Дэвид . Да-да. Мы оба любили Толстого, французское кино, яхты, ее звали Дженни, потом мы поженились... К чему же ты клонишь? Что эта женщина на фото похожа на Дженни? Что они с Дженни похожи? Что Дженни похожа на нее? Что это Дженни? Это Дженни — ну, конечно, конечно.

Хэл . Не хотел бы я оказаться его пациентом.

Дженни . Какая ты жестокая, Шейла.

Дэвид (*потрясеный*). Значит, это ты? Она — это ты, ты это и есть она?

Дженни . Дэвид, пожалуйста, постарайся понять: помимо секса это были сугубо платонические отношения.

Хэл . В чем вообще проблема? Если она знает Толстого, французское кино и вдобавок проделывает такие штуки в койке — считай, ты выиграл по трамвайному билету.

Сэнди . Все-таки ты положил на нее глаз — я сразу засекала.

Хэл . Я просто хочу сказать, это очень приятно, когда днем твоя жена — интеллигентная женщина и хорошая мать, а по ночам — разнузданная извращенка.

Сэнди . Хэл, что ты несешь?

Дэвид . Я потрясен. У меня нет слов. Я и подумать не мог... А кто этот парень на фото?

Шейла . Норман. Это Норман.

Норман . Шейла, ну хватит. У нас с Дженни был роман.

Дэвид . Дженни... У меня жена тоже Дженни.

Шейла . Он в шоке.

Дэвид . Роман?

Хэл . Он меня убивает. А что еще у них могло быть?

Дэвид . Что же — выходит, Норман и Дженни спали друг с другом?

Дженни . Да, Дэвид, спали. Но если это тебя утешит, предварительные ласки были очень короткими.

Шейла . Узнаю Нормана.

Дэвид . Но ведь он мне свояк, а Дженни — жена. А кто эти люди на фотографии?

Шейла . Совсем плохо дело.

Дэвид . Простите меня... *(Выходит.)*

Хэл . Если теперь он вернется смотреть матч — вот что такое настоящий болельщик.

Шейла . Ладно, развод так развод.

Дженни . Шейла, я могла изменять физически, но в душе я всегда оставалась твоей сестрой.

Шейла . Сестрой? Как ты можешь?! Я больше тебе не сестра. С этой минуты ты мне максимум племянница.

Норман . Шейла, Шейла... Ну что мне для тебя сделать?

Шейла . Контора "Рифкин и Абрамович" тебе объяснит.

Дэвид *(входит с ружьем в руках)* . А теперь — готовьтесь к смерти.

Дженни . Дэвид!

Норман . Кончай, Дэвид, не до шуток. Оно заряжено.

Дэвид . Не подходи! Норман, назад! Сейчас все, кто находится в этой комнате, умрут. Потом я засуну дуло себе в рот и нажму на спуск.

Хэл *(глядя на часы)* . О, уже почти шесть? У нас билеты на мюзикл...

Дэвид . Не спешите. Я сказал — все.

Хэл . Мы просто заехали посмотреть дом.

Дженни . Дэвид, ты пропустишь финал.

Дэвид . Сначала ты с Норманом, потом Шейла.

Шейла . Я? Какого черта? Я-то чем провинилась? Меня точно так же водили за нос, как и тебя.

Дэвид . Это ты нашла дневник.

Шейла . Он показал мне тайник, я и нашла.

Дэвид . Не сомневайся — он тоже покойник.

Сэнди . Но мы просто случайные свидетели!

Дэвид . Это как раз то, что надо для уголовной хроники, не так ли? Немолодые любовники, обманутые муж и жена, двое ни в чем не повинных свидетелей.

Хэл . Ты спятил.

Дэвид . Так говорили и о Кровавом Сэме.

Хэл . Ну да... и были правы!

Сэнди . Он не в себе.

Хэл . Но нас-то не за что убивать. Мы ничего не сделали. Я вообще никогда не изменял жене. Хотя мог бы и, поверь, был не прочь.

Сэнди . Был не прочь?

Хэл . Понимаешь, Сэнди, давай посмотрим правде в глаза: ты бываешь холодной, как рыба.

Сэнди . Я?

Хэл . Увы. Она полная противоположность Дженни: никогда не хочет попробовать нового.

Сэнди . Знаешь что, если бы ты не спешил, а хоть раз был со мной нежен, создал бы

атмосферу...

Хэл. Я спешу, пока у тебя не началась мигрень.

Дэвид. Заткнитесь! Кто их впустил? Вам не повезло, согласен; но что поделаешь? Это судьба. Судьба играет человеком — иногда ласково, иногда весьма жестоко, — я лично никогда не считал, что жизнь большой подарок. Жизнь это страдание, это приговор, мучительное, изощренное наказание, — прошу всех прочитать молитву...

Прижавшись друг к другу, все смотрят, как Дэвид взводит курок. Внезапно их отвлекает какой-то шум. По лестнице спускается незнакомец. Он связан, во рту кляп, можно предположить, что он был привязан к стулу и выпутался. Его руки еще стянуты веревками, он глухо мычит.

Дэвид (тоже увидев его). Нет-нет-нет...

Шейла. О, Господи...

Норман. Я думал...

Шейла. Только не это...

Дженни. На помощь! Помогите!

Хэл или Сэнди или оба сразу бросаются к незнакомцу и вытаскивают кляп у него изо рта.

Дэвид. Не надо, не вынимайте, стойте!

Макс. Ну вот. Игра окончена.

Сэнди. Кто вы такой?

Дженни. Кто его связал?

Дэвид. Норман.

Шейла. Нам крышка.

Хэл. Мистер Куроян — вы? Я Хэл Максвелл. Это я несколько лет назад продал вам этот дом. Сэнди, это же Макс Куроян...

Макс. (указывая на веревки). Развяжите меня.

Хэл (развязывая). Что с вами случилось?

Макс. Эти твари... Они вышли из-под моего пера... Вышли и дали деру.

Дэвид. Потому что ты бездарь.

Макс. Я породил их... а они взбунтовались.

Сэнди. Ничего не понимаю.

Дженни. Игра проиграна — почему бы не рассказать им правду?

Хэл. Какая игра?

Норман. Началось с того, что у него возник замысел, и он сел писать пьесу.

Шейла. И придумал всех нас.

Дэвид. Создал силой своего плодovitого воображения.

Шейла. Написал полпьесы.

Макс. Ну да. А потом застрял, ничего дальше не получалось.

Дэвид. Зашел в тупик.

Макс. Иногда кажется, идея гениальная, а начнешь работать и видишь, что она никуда не ведет.

Шейла. Но было поздно: уже появились мы.

Дэвид. Были придуманы.

Макс. И написаны. Я дописал пьесу до середины.

Хэл. Вы всегда славились умением создавать удивительно жизненных персонажей, великолепными диалогами...

Норман. Ну и где это умение?

Дженни. Он оставил замысел.

Норман . Бросил до половины написанную пьесу в ящик стола.

Дэвид . А в ящике темно...

Макс . Что мне оставалось? Я не знал, чем закончить.

Дэвид . Боже, как я ненавижу этот проклятый ящик.

Шейла . Вы только представьте, что вас с женой заперли в сундуке.

Дженни . Там же совершенно нечем заняться.

Норман . Полная задница.

Шейла . И однажды Дженни предложила нам открыть ящик и вырваться на свободу.

Макс . Мне послышалось, что ящик открывается, — но не успел я повернуться, как они набросились на меня.

Сэнди . А что вы собирались делать на свободе?

Шейла . Мы надеялись, что сами придумаем, чем закончить третье действие.

Норман . И тогда каждый вечер будем выходить на сцену и станем жить вечно.

Дженни . А что? Лучше гнить недоделками в темном ящике?

Дэвид . Я не хочу в ящик! Я не хочу в ящик! Я не хочу...

Норман дает Дэвиду пощечину.

Макс . Я ломал голову... Ничего не могу придумать.

Хэл . Ну, подождите. Давайте посмотрим, что у нас есть. Значит, она обнаруживает, что у мужа роман с ее сестрой...

Макс . Кто вы такой?

Хэл . Я Хэл Максвелл, это же я продал вам...

Макс . Бухгалтер?

Хэл . Я всегда мечтал написать пьесу.

Макс . Кто не мечтает.

Хэл . Почему у них начался роман? Чего каждому не хватало в семейной жизни?

Норман . Шейла мне просто надоела и все.

Хэл . Но почему?

Норман . Не знаю.

Макс . Меня не спрашивайте. Я исписался.

Хэл . Почему вообще мужьям надоедают жены? Потому что они слишком хорошо знают друг дружку. Уходит трепет: супруги живут бок о бок, видят друг друга не одетыми, исчезает тайна, и в один прекрасный день даже собственная секретарша или соседка кажется более притягательной.

Дженни . Это неправдоподобно.

Хэл . Откуда вам знать? Вы сами-то кое-как написаны. Очень даже правдоподобно! Самая обычная история, поверьте мне.

Сэнди . Обычная история?

Хэл . Я хочу сказать, чтобы не исчезла свежесть чувств — надо стараться. Иначе из отношений уходит музыка, а музыка — это все.

Сэнди . А если так: поначалу мужчина боготворит любимую, но постепенно начинает воспринимать ее как нечто само собой разумеющееся? На место восторгов, очарования, желания удивить и устроить праздник приходят будни, и вот уже супруги не любят, а просто занимаются любовью.

Хэл . Я бы не сказал, что это убедительно.

Сэнди . А по-моему, многие женщины узнают себя.

Хэл . Притянуто за уши.

Шейла . Почему? Очень точно.

Дженни . Очень пронизательно.

Сэнди . Очень.

Дэвид . По-вашему, любовь может просто улетучиться? Даже если вначале люди не

могли жить друг без друга?

М а к с . Увы, это жизнь. Ничто не вечно. Даже герои великого Шекспира обречены исчезнуть — когда-нибудь, через миллионы лет, когда погаснут звезды и остынет Вселенная.

Д э в и д . Какой кошмар!.. Пойду-ка я смотреть гольф. Гори оно синим пламенем.

Н о р м а н . Он прав. Какой во всем этом смысл, если Вселенная расширяется и в конце концов ничего не будет?

Д ж е н н и . Именно поэтому так важно поддерживать друг друга. Вовремя протянуть руку, подставить плечо... тому, кто нуждается, чтоб ему подставили...

Ш е й л а . Только не надо подводить философский фундамент под шашни с моим мужем.

Х э л . А что, если у вас с Дэвидом тоже интрижка?

М а к с . Я думал. Нет. Это глупо.

Д ж е н н и . Но жизнь, что ни говори, глупа.

Д э в и д . Согласен. Философы называют это абсурдом, но имеют они в виду глупость.

М а к с . Тогда получается, что все всем изменяют — а это не совсем верно, вот в чем проблема.

Х э л . А совсем верно и не должно быть. Должно быть занимательно. Искусство — это не жизнь.

М а к с . Искусство — это зеркало, в котором жизнь отражается.

Х э л . Кстати о зеркале. Сколько я умолял повесить зеркало в спальне на потолке... — как же!

С э н д и . Эта самая идиотская идея, какую я слышала!

Х э л . Это очень эротично!

С э н д и . Это детский сад. Я хочу предаваться любви, а не наблюдать, как совокупаются отражения. Что я там увижу? Как твой зад ходит вверх-вниз?

Х э л . Почему ты всегда высмеиваешь мои предложения? А потом удивляешься, что я сижу и думаю о Холли Фокс.

С э н д и . Только не говори ей про зеркало, засмеет.

Х э л . Чтоб ты знала: однажды мы с ней занимались этим перед зеркалом.

С э н д и . В твоих фантазиях.

Х э л . В нашей ванной.

С э н д и . Что?

Д э в и д . Ну-ка, ну-ка? Это история похлеще нашей.

Х э л . Это не история, и не роман, ничего подобного. Просто эпизод.

С э н д и . Ты — с Холли Фокс?

Х э л . А почему тебя это удивляет? Ты же третий год нас подкальываешь.

С э н д и . Я просто шутила!

Х э л . Просто шуток не существует. Так сказал Фрейд.

Ш е й л а . Это моя реплика.

С э н д и . Но ты же клялся, что она тебе не нравится.

Х э л . Клялся. Поднимал правую руку. Но я агностик.

Н о р м а н . Посудите сами, Сэнди: ну какой муж признается, что спит с другой?

С э н д и . Вот мой признался.

М а к с . Потому-то жена и ушла от меня. Потому-то я и купил у вас дом, чтобы раз навсегда покинуть эти тараканьи бега любви и жить в одиночестве. У меня роман был с тещей.

Н о р м а н . Господи Боже! Что ж вы не вставьте это в пьесу! Потрясающе!

М а к с . Потому что никто не поверит. Отец у нее актер, кинозвезда — можете себе вообразить, — развелся с ее биологической матерью и женился на домработнице, так что теперь у моей жены мать на десять лет ее моложе.

Д ж е н н и . Мачеха, а не мать.

М а к с . Это вопрос терминологии, а я ее просто жарил потихоньку.

Дэвид . То есть вы не только изменяли жене, но еще наставляли рога тестю.

Макс . И правильно делал. Папаша был фетишистом, его возбуждала только распродажа в обувном.

Шейла . Ну, это уже перебор.

Макс . Теща вела дневник. Весьма живой. Наши отношения. Секс. Подробности. Имена. Ей это казалось романтическим. Однажды моя жена сказала ей, что мы завтра едем в Хэмптон: посоветуй, мама, что взять почитать на пляже? И теща, полагая, что дает том Генри Джеймса, сунула ей свой дневник. В таком же кожаном переплете. В день, когда жена стала его читать, я лежал рядом, на песочке. Она переменялась в лице. Переменялась физически, как в фильмах про оборотней, когда восходит полная луна.

Хэл . Так вот откуда ваш замысел.

Норман . И что же вы?

Макс . А что я мог? Все отрицал.

Норман . А она?

Макс . Попыталась утопиться. Бросилась в океан, но только обожглась о медузу. От этого у нее распухли губы. И с этими опухшими губами она вдруг стала такой соблазнительной, что я снова влюбился. Само собой, когда губы сдулись, она опять пошла мотать мне нервы.

Хэл . Понятно. Но у меня-то не было никакого романа. Один раз — о чем говорить? У нас дома, на Новый год. Все были внизу, пили, веселились, а я зачем-то поднялся наверх и шел мимо ванной. Там стояла Холли, она спросила, нет ли у нас ушных палочек, я зашел поискать, закрыл дверь — ну и...

Дэвид . Зачем ей ушные палочки?

Дженни . Не все ли равно?!

Норман . Черт возьми, причем тут палочки?

Сэнди . Они давным-давно строили друг другу глазки.

Хэл . Снова с больной головы на здоровую. Это ты кадрила ее братца.

Сэнди . Будь ты проникательнее, знал бы, что Кен Фокс меня абсолютно не интересовал.

Хэл . Нет?

Сэнди . Никогда. Если бы я надумала тебе изменять, то уж лучше с Ховардом Нудельманом.

Хэл . С Нудельманом? С нашим риелтором?

Сэнди . Он знает, как разбудить в женщине женщину.

Хэл . В каком смысле?

Сэнди . Неважно.

Хэл . Ты разок перепихнулась с Ховардом Нудельманом, что ли?

Сэнди . Нет.

Хэл . Слава богу.

Сэнди . Я сплю с ним много лет. У нас давно роман.

Хэл . У тебя роман с Нудельманом?

Сэнди . Да.

Хэл . Я серьезно!

Сэнди . Раз мы выкладываем все начистоту, я тоже имею право быть честной.

Хэл . Но ты же только что сказала: "если бы я надумала изменить" — в смысле не изменяла.

Сэнди . Я больше не могу врать. При всем уважении к тебе, я сплю с Нудельманом.

Дэвид . Ай да Нудельман!

Хэл . Ты смеешься.

Сэнди . Я любила тебя, Хэл, — ты ведь знаешь. Но что делать, когда романтика уходит, страсть угасает, а ты по-прежнему дорожишь своим спутником? Остается только изменять.

Норман . Именно это я пытался объяснить Шейле.

Хэл . Сколько же раз вы спали?

Сэнди . Разве цифры что-то решают?

Хэл . Для меня да. Я бухгалтер.

Сэнди . Ну, скажем так: я *не* хожу на приемы к психоаналитику.

Хэл . Ты хочешь сказать, каждую среду, четверг и субботу...

Сэнди . Нет никакого доктора Файнгласа.

Хэл . А я думал, ты борешься с депрессией.

Сэнди . Я и боролась. И могу всем порекомендовать такую терапию.

Хэл . А сто шестьдесят долларов в час?

Сэнди . Номер в гостинице.

Хэл . Я весь год оплачивал вам с Нудельманом номер в гостинице?

Сэнди . А тебе не казалось странным, что у меня единственный на свете психотерапевт, который не уходит в отпуск в августе?

Дэвид . Вот сущий фарс. Что там наша жизнь!

Шейла . Фарс? Разве это не трагедия?

Норман . А в чем трагедия-то?

Шейла . Разве это не горько: два человека когда-то наверняка любили друг друга — и явно любят до сих пор, — но бывшее очарование, прежнее влечение исчезло...

Дженни . Никто не в силах продлить влюбленности.

Дэвид . Увы. Мы привыкаем, на место страсти приходит что-то другое — совместный опыт, дети, скотство.

Хэл . Вы с Нудельманом и сейчас встречаетесь?

Сэнди . Нет. Помнишь, в начале года у него было сотрясение?

Хэл . Помню. Он до сих пор не оклемался. Как это случилось?

Сэнди . Зеркало упало с потолка. Он лежал один в кровати.

Хэл . Черт возьми! Лучше бы оно упало на меня!

Дэвид . Я тебе объясню, почему это фарс. Потому что они слишком трогательны. Мелковаты для трагедии. Ну кто они такие? Он бухгалтер, она домохозяйка. Это не Гамлет и не Медея.

Хэл . Знаете что, не только принцы умеют страдать. На свете миллионы людей мучаются ничуть не меньше Гамлета. Каждый из них — по-своему Гамлет. Гамлет на ноотропиле.

Сэнди . Ревнивый, как Медея.

Макс . Ну и что же из этого следует? У всех есть свои секреты, свои скелеты в шкафу, тайные страсти, темные наклонности — и если мы хотим, чтобы жизнь продолжалась, надо научиться прощать.

Норман . Вот об этом и будет пьеса. Да, я на минутку увлекся твоей сестрой — большое дело! Может, действительно, вы напишете, что Шейла и Дэвид тоже как-то раз провели шальную ночь вдвоем, — и таким образом нам открываются трогательные слабости друг друга и мы друг друга прощаем.

Дженни . Мило. Зрители смеются над нами и ненадолго забывают о собственных горестях. Мы целуемся и миримся.

Макс . Умение прощать... Да, это придаст скромному водевилю глубину и трогательность.

Шейла . Ну, конечно. Кто я такая, чтобы судить других и пустить коту под хвост целую жизнь вдвоем, годы любви, только потому что мой муж-дантист дрючит мою сестру?

Дженни . Мы переменимся, мы исправимся. Где есть жизнь — есть надежда.

Сэнди . Но чем тогда отличается умение прощать от умения прятать голову в песок?

Макс . Благородством, великодушием. Умение прощать дано нам свыше.

Дженни . Может, и ничем не отличается, но выглядит симпатичнее.

Макс . Мне нравится. Будет смешная, печальная, а главное — кассовая история.

Идемте: пошли в кабинет, я хочу закончить третье действие, пока все свежо, я чувствую, что нашел выход из тупика. Самое главное — кассовость. Прошу прощения: умение прощать. Самое главное — умение прощать.

Все поднимаются по лестнице, на сцене остаются Хэл и Сэнди, они смотрят друг на друга.

Хэл. Не думаю, что смогу простить тебя, Сэнди.

Сэнди. Нет. И я тебя.

Хэл. Даже не знаю почему. Я ведь понимаю, что Куроян прав — он серьезный драматург.

Сэнди. Прощать легко в театре. Там всем управляет автор. Тем более, ты говоришь, Куроян — настоящий профессионал.

Хэл. Все-таки не могу поверить, что ты столько времени путалась с Нудельманом. Наверное, он мстил мне за тот аудит.

Сэнди. Ты тут совершенно ни при чем. Не думай, что на тебе свет клином сошелся.

Хэл. Неужели тебе было так уж скучно со мной?

Сэнди. С годами тебя это перестало интересовать.

Хэл. У меня не было стимула. Ты тоже стала относиться ко мне, как к данности.

Сэнди. Это пьесу можно переписать — выбросить черновики в корзину, придумать героям другую жизнь, начать все с чистого листа. Но ведь наших слов и наших поступков не выбросишь.

Хэл. Беда в том, что я тебя люблю.

Сэнди. Я тебя тоже люблю. Но это не трагедия — всего лишь мелодрама.

Хэл. А может, мне взять это ружье и убить нас обоих? Как думаешь, трагическая смерть искупила бы нашу вину?

Сэнди. Это не в твоём амплуа, Хэл. Бухгалтеры не кончают жизнь самоубийством и не искупают грехов. Обычно они тихо исчезают, а потом объявляются где-нибудь на Кипре.

Хэл. Что будешь делать?

Сэнди. А что нам остается? Либо сделать вид, что ничего не случилось, и считать это умением прощать. Либо развестись.

Хэл. Сэнди, в этой комнате мы впервые любили друг друга. Может, попробуем начать все сначала?

Сэнди. Сначала хорошо начинать в пьесе. Есть вымысел, а есть жизнь.

Хэл. Но в жизни обязательно должно быть немного вымысла. Правда в больших количествах отвратительна.

Сэнди. Может, теперь, когда все высказано... Что это за звук?

Хэл (*глядя в окно*). Смотри-ка: гуси!

Сэнди (*тоже подойдя к окну*). Ну и ну. При нас никаких гусей не было.

Хэл. Это знак.

Сэнди. Знак чего?

Хэл. Знак обновления. Гуси там, где никаких гусей не было. Сегодня было много знаков — много литературы, вымысла, искусства. Поэт, чье сердце бьется в груди бухгалтера, явился, чтобы помочь Максу Курояну сочинить трогательный финал. На сцене остаются двое, ты и я. Они запутались, растерялись, замерли на распутье — они ждут какого-то знака, не знают, как вернуть музыку, которая когда-то звучала для них двоих. И вдруг раздается крик гуся.

Сэнди. И ты считаешь, это знак.

Хэл. А как же, Сэнди? Разве ты не понимаешь, что они хотят нам сказать? Разве ты не знаешь простого факта: гуси соединяются в пару один раз и на всю жизнь?

Сэнди. У них что, не бывает романов на стороне?

Хэл. Если и бывают — они как-то все улаживают. Так устроила природа.

Сэнди. Неужели я в самом деле вышла замуж за бухгалтера, в груди которого бьется сердце поэта?

Кричат гуси. Звучит музыка. Поцелуй.

Затемнение.

Централ-Парк Вест

Централ-Парк Вест

Квартира Сэма и Филлис Риггс на улице Централ-Парк Вест. Просторно, мебель темного дерева, много книг. Здесь Риггсы живут, здесь же Филлис принимает пациентов — она врач-психоаналитик. Планировка позволяет с лестничной площадки попадать прямо в приемную, а оттуда в кабинет, где проводятся сеансы. Большую часть сцены занимает гостиная; виден вход в квартиру и двери в соседние комнаты. Ноябрь, суббота, часов шесть вечера. На сцене никого. В дверь долго звонят и, не дождавшись ответа, принимаются стучать. Стук не умолкает на протяжении следующего диалога.

Кэрол (*за сценой*). Филлис! Филлис!

Из правой кулисы выходит Филлис. Садится на край софы.

Филлис! Это Кэрол!

Филлис. Иду.

Кэрол. Что случилось?

Филлис. Я мокрая, ты меня вытащила из душа.

На самом деле Филлис полностью одета. Идет к бару в глубине сцены. Наливает себе выпить. Выпивает. Кэрол продолжает трезвонить и барабанить в дверь.

Сейчас. Все, я оделась.

Идет к двери, открывает. Входит Кэрол.

Кэрол. Что случилось?

Филлис. К черту подробности.

Кэрол. Какие подробности?

Филлис. Я же сказала: давай не будем.

Кэрол. Все в порядке?

Филлис. Все? Ты имеешь в виду и страны третьего мира?

Кэрол. Страны третьего мира?

Филлис. По-твоему, в Зимбабве все хорошо?

Кэрол. Неужели что-то в Африке?

Филлис. Господи, ты все понимаешь буквально. Это же беда — все понимать буквально. Девальвация остроумия. Все мои шуточки и подколки псу под хвост.

Кэрол. Да что стряслось?

Филлис . Насчет стран третьего мира — это острота, цель которой немного смягчить боль, вызванную случившейся с нами трагедией.

Кэрол . Какой трагедией?

Филлис . Человеческой, слишком человеческой. Впрочем, я бы не сказала, что это большая трагедия.

Кэрол . Давно пьешь?

Филлис . Достаточно, чтобы достичь единения с природой. Оно же — алкогольный ступор. Знаешь, в чем разница между суши и женской киской?

Кэрол . Филлис...

Филлис . В рисе. Один пациент рассказал. Не пытайся вникнуть, это слишком абстрактный феномен для твоего интеллекта: называется юмор.

Кэрол . Сварю-ка я кофе.

Филлис . Если хочешь. Мне хватает моего суперсухого мартини: чистый джин минус вермут.

Кэрол . Что произошло?

Филлис . Ты меня в чем-то обвиняешь?

Кэрол . Из-за чего такая паника?

Филлис . Какая паника?

Кэрол . На моем автоответчике.

Филлис (*заинтересовавшись ее шубой*). Откуда это?

Кэрол . Что "это"?

Филлис . Да уж не глазки твои, солнышко. Шубка.

Кэрол . Эта шубка?

Филлис . Молодец. Эта.

Кэрол . Ты ее сто раз видела.

Филлис . Когда?

Кэрол . Вчера хотя бы.

Филлис . У меня одна пациентка носила такую. Миленькая, да? Сколько же шкурочек на нее пошло!

Кэрол . Так что все-таки стряслось?

Филлис . И какие-то гнойные фанатики привязались к ней прямо на Пятой авеню. Из тех, что взрывали бы каждого, кто носит меха. Стали издеваться. А потом эти борцы за права животных перешли от слов к делу и сорвали с нее шубу. Под шубой она была в чем мать родила.

Кэрол . Почему?

Филлис . Потому что она шлюха. Дорогая шлюха. Понадобилась мне для моей книги. Она шла к клиенту, который мечтал, чтобы к нему постучалась женщина в шубе, под которой совсем ничего. И вот она стоит на углу Пятой авеню и Пятьдесят седьмой улицы, шуба на тротуаре, и весь Нью-Йорк бесплатно любит чудесной коллекцией пушистых мехов. Так о чем мы?

Кэрол . Как Сэм?

Филлис . К черту подробности.

Кэрол . Он жив-здоров?

Филлис . Не то слово. За полвека его здоровье было под угрозой лишь однажды — когда он обветрил губы.

Кэрол . А мальчишки?

Филлис . Уехали. Ускакали на юг. В край, где под ветром волнуется хлопок...

Кэрол . И в университете у них все в порядке?

Филлис . Университет их мало волнует. А они мало волнуют университет. Всюду волны — а у меня пересохло во рту. (*Наливает.*)

Кэрол . Ты не в себе, Филлис. Что произошло?

Филлис . Не в себе? Это я пока в себе. Это пока что цветочки. Понимаешь? Цветочки, тычинки, пестики. Так где же ты отхватила шубку?

Кэрол . В Блуминдейле. В прошлом году.

Филлис . И часто носишь?

Кэрол . Все время.

Филлис . Что за зверь?

Кэрол . Обычная норка. Ну, объясни наконец: что значил твой безумный звонок?

Филлис . Давай не будем.

Кэрол . Как это не будем? Я включаю автоответчик, слышу истерику: катастрофа, конец света, помогите. Я звонила тебе раз десять.

Филлис . Так это была ты?

Кэрол . Именно.

Филлис . Обычно я узнаю твой звонок. В нем есть какая-то робость и трепетность.

Кэрол . Где Сэм? Что произошло?

Филлис . Знаешь, неохота рассказывать.

Кэрол . Зачем же ты звонила?

Филлис . Хотелось с кем-нибудь поговорить.

Кэрол . Так говори.

Филлис . Может, все-таки не надо, а?

Кэрол . Филлис...

Филлис . Ну ты же видишь: я уклоняюсь.

Кэрол . Да почему?

Филлис . Прости, что оторвала тебя.

Кэрол . Ничего ты не оторвала.

Филлис . Наверное, у вас с Ховардом были планы на вечер?

Кэрол . Нет. Я ходила на Сотби.

Филлис . Что прикупила?

Кэрол . Ничего. Там выставляли бейсбольные карточки, Ховард все собирался сходить, сегодня последний день.

Филлис . Значит, у вас все-таки были планы.

Кэрол . Да нет. Ховард не смог, ему пришлось везти отца в Вестчестер в дом престарелых.

Филлис . Как грустно.

Кэрол . Девяносто три года. Прожил хорошую жизнь. А может, мерзкую. Но долгую. Никогда не болел. Во всяком случае, все так думали, пока не выяснилось, что он перенес на ногах несколько инсультов. Начал терять память, потом стал слышать мелодичные голоса, а в конце концов попытался уйти добровольцем на фронт.

Филлис . Наверное, Ховарду очень тяжело.

Кэрол (*глядя на свои часы*). Я оставила ему сообщение, чтобы зашел за мной сюда. Так в чем же дело?

Филлис . Ты смотри, какая хитренькая.

Кэрол . Прекрати. Ты сама позвонила.

Филлис . Но ты всегда хитришь, вечно пытаешься что-то выведать.

Кэрол . Чего мне хитрить? Ты звонишь и объявляешь, что жизнь кончена. И я...

Филлис (*тихо*). Мне стыдно рассказывать, Кэрол.

Кэрол (*замечает разбитую статуэтку*). Ой, ваш Дионис разбился. Член отлетел.

Филлис . Не страшно. Починим. Отнесу моему членовщику.

Кэрол . Вообще, у тебя раскардаш.

Филлис . Как ты наблюдательна.

Кэрол . Вас что, ограбили?

Филлис . Все замечаешь. А я, наоборот, не узнаю шубу из несчастных зверюшек, хотя сто раз ее видела. Что это за цвет? Рвотный?

Кэрол . Рыжеватый.

Филлис . Да нет. Рвотный.

Кэрол . Ну хорошо, пускай рвотный.

Филлис . Никогда больше не носи рвотного. Не идет к карим глазам.

Кэрол . А у меня не карие.

Филлис . Один карий. Который в сторону смотрит.

Кэрол . Кончай, не будь врединой, Филлис. Вы что, поссорились с Сэмом?

Филлис . Не совсем.

Кэрол . То есть? Господи, ну что я все тяну из тебя клещами, как зубной врач.

Филлис . Зубки-то у тебя хорошие. Короночки того стоили.

Кэрол (сухо) . Спасибо.

Филлис . Но теперь придется убирать подбородок.

Кэрол . Значит, вы не поссорились?

Филлис . Я поссорилась.

Кэрол . Ты же сказала, не совсем.

Филлис . Что не совсем?

Кэрол . Не совсем поссорились. Я спросила — вы с Сэмом что, поссорились? — а ты сказала...

Филлис . Я с ним поссорилась. Он со мной — нет.

Кэрол . А что он делал, когда ты с ним ссорилась?

Филлис . Смотрел.

Кэрол . А потом?

Филлис . Успел увернуться.

Кэрол . Ты что, хотела его ударить?

Филлис . Но промахнулась. Я метнула в него Диониса. В отчаянной надежде остаться вдовой.

Кэрол . Мама дорогая...

Филлис . Еще налить?

Кэрол . И что потом?

Филлис . Кэрол...Кэрол... Кэрол... Ах,милая моя подруга Кэрол...

Кэрол . Наливай.

Филлис . Он бросил меня.

Кэрол . Бросил?

Филлис . Да.

Кэрол . С чего ты взяла?

Филлис . С чего я взяла? С чего я взяла, что он меня бросил? С того, что он забрал свои вещички и подает на развод.

Кэрол . Я присяду. Ноги не держат.

Филлис . Тебя ноги не держат?

Кэрол . И как он объясняет?

Филлис . Он меня не любит, не хочет жить вместе, его тошнит от одной мысли об унылом сексе со мной. Но это все, конечно, предлог. Думаю, о главном он из деликатности не говорит. Думаю, на самом деле ему не нравится, как я готовлю.

Кэрол . Просто как снег на голову.

Филлис . Да, для меня — как снег, но я же не догадлива. Я простой психоаналитик.

Кэрол . И он никогда ничего не говорил, не намекал?

Филлис . Никогда. Может, потому, что мы не разговаривали.

Кэрол . Но, Филлис...

Филлис . То есть что-то мы говорили. Не только "передай соль", конечно. Хотя и так бывало.

Кэрол . Наверняка были какие-то разговоры, когда он пытался намекнуть...

Филлис . Попробую тебе объяснить. Мы говорили одновременно. Это когда оба собеседника говорят — и ни один не слушает.

Кэрол . Разобщенность, да?

Филлис . Боже, Кэрол, как ты умеешь проникнуть в самую суть.

Кэрол . Но это должно было тебя насторожить.

Филлис . Должно было.

Кэрол . Ну?

Филлис . Но не насторожило. Я была занята: я говорила.

Кэрол . А потом начались проблемы в постели.

Филлис . С чего ты взяла?

Кэрол . Я не знаю, я только предполагаю.

Филлис . Напрасно. Люди могут не разговаривать друг с другом, а при этом у них потрясающий секс.

Кэрол . Ну хорошо, значит, в постели все было потрясающе.

Филлис . Потрясающе? Не то слово. Его даже начало тошнить.

Кэрол . Как получается, что незаметно, на цыпочках, секс отступает на второй план, а потом совсем уходит? Наверное, просто к этому времени ушло что-то гораздо более глубокое. Или наоборот? Секс, секс, — а остальное вообще перестает интересовать? Я хочу сказать, все так... непрочно.

Филлис . Ты считаешь?

Кэрол . Да нет... не знаю... Нашла, кого спросить.

Филлис . Разве я спрашивала?

Кэрол . Значит, он сказал только, что уходит, и больше ничего?

Филлис . А что еще?

Кэрол . Не знаю.

Филлис . А, еще он сказал, что, хотя это не оговорено в брачном контракте, он будет оплачивать мне подписку на "Санди таймс".

Кэрол . Он не сказал, куда идет?

Филлис (*в ней что-то зреет*). Кажется, я начинаю приходить в себя.

Кэрол . Филлис, ты уже пришла в себя.

Филлис . Нет. Если бы я уже пришла в себя, я взяла бы эти бумаги, эти очень важные бумаги, которые так нужны ему для работы, и сделала вот так. (*Рвет бумаги.*) Вот это значило бы прийти в себя — но я не жестока, не мстительна, я взрослый, великодушный человек.

Кэрол . Перестань, успокойся!

Филлис идет к кофейному столику, на котором лежит портфель Сэма. Вытряхивает содержимое на пол и швыряет портфель за сцену.

Филлис (*рвет на кусочки вытравшие бумаги*). Мы вспомнили о загородном доме, я сказала, что там никогда не делалось ремонта, давай пригласим хорошего архитектора. А он в ответ: "Филлис, мне надо с тобой поговорить". Я говорю: такое чудесное место, дом прямо на берегу, помнишь, как нам было там хорошо, а он говорит: Филлис, не знаю, как тебе сказать, но я хочу уйти... А я не слышу. Это был один из тех разговоров, когда никто никого не слушает. Я говорю: мы же всегда хотели сделать венецианские окна и большую ванную, а он говорит: Филлис, я ухожу от тебя, а я говорю: с душевой кабиной, чтоб лило со всех сторон, знаешь, — а он берет меня за плечи и говорит: Филлис, я больше не люблю тебя, я хочу начать новую жизнь, я хочу уйти, я хочу уйти, я хочу уйти! А я говорю: в какой цвет

покрасим комнату для гостей?

Кэрол. А он?

Филлис. Он ничего, он стал меня трясти, и через три минуты я догадалась, что он пытается мне что-то сказать.

Кэрол. И что же он сказал?

Филлис. Он сказал: я полюбил другую женщину.

Кэрол, поперхнувшись, кашляет.

Филлис. Прошло? Хочешь, постучу?

Кэрол. Он сказал, кто она?

Филлис. У меня была пациентка — однажды в ресторане подавилась рыбьей костью. Подскочил какой-то тип и стал ей колотить по спине. Это ее сильно возбудило. И с тех пор она как сядет обедать — тут же начинает давиться.

Кэрол. Он сказал, к кому уходит?

Филлис. Что ты так разволновалась?

Кэрол. Вовсе нет... Хотя, кажется, я хлебнула лишнего.

Филлис. Сначала я подумала — к Энн Дрейфус.

Кэрол. Энн Дрейфус? Та дизайнерша?

Филлис. У них общие увлечения: гребля, лес, лыжи...

Кэрол. Да в жизни он не уйдет к Энн Дрейфус.

Филлис. Ты-то откуда знаешь?

Кэрол. Что значит, откуда? Я, как и ты, знаю Сэма.

Филлис. Но не так хорошо, как я.

Кэрол. Я и не говорю. Просто мы столько лет друзья.

Филлис. Сколько?

Кэрол. Пять, почти шесть — да какая разница? Я просто не представляю себе Сэма с Энн Дрейфус. Она вечно ноет, ко всему цепляется, и потом, прямо скажем, у нее вместо задницы сковородка.

Филлис. Потом подумала — может, Нанни? Они работают вместе, она тоже юрист. Теперь стала партнером в их конторе.

Кэрол. Я ее никогда не видела. Какая она?

Филлис. С большой изюминкой. Смазливая, сисястая, похотливая. Нет, вряд ли.

Кэрол. Короче говоря, ты понятия не имеешь, к кому он ушел.

Филлис. Короче говоря, имею. По крайней мере, мне кажется, я догадалась.

Кэрол. Слушай, похоже, я действительно перебрала.

Филлис. Господи, ты совсем белая. То белая, то рвотная.

Кэрол. Совершенно не могу пить. Сразу тошнить начинает.

Филлис. Это от внутренней чистоты.

Кэрол. Меня мутит.

Филлис. Мутит?

Кэрол. Мутит.

Филлис (*уходит за лекарством*). Может, найду свечи с церукалом. Только не уверена, что есть такого большого размера.

Кэрол (*оставшись одна, украдкой поднимает телефонную трубку и набирает номер*). Алло? Есть сообщения для Бэ-восемнадцатый? Да... Это Ховард... Когда именно? Хорошо. Что-то еще? (*Взволнованно, с интересом.*) Да? Он не сказал, куда ему можно перезвонить? В какое время? Ясно, ясно. (*Вешает трубку.*)

Филлис (*выходя из двери слева*). Я откопала пакет из Блуминдейла. Так что если вдруг блеванешь — чтоб тебе было комфортно. Кому звонила?

Кэрол . Звонила?

Филлис . Ну да, только я вышла, ты так ринулась к аппарату, как будто спешила взять у Клинтона.

Кэрол . Просто проверяю автоответчик. Волнуюсь за Ховарда. У него сегодня трудный день.

Филлис . Вернемся к вопросу о том, к кому именно ушел мой муж.

Кэрол . Может, мне выпить кофе?

Филлис . Так вот, я вычислила. Хочешь знать, кто она?

Кэрол . Это не мое дело.

Филлис . Еще как твое.

Кэрол . Да нет, с какой стати? Мне просто очень жаль... Жутко кружится голова.

Филлис . Хочешь знать, кто она?

Кэрол . Филлис, прошу тебя.

Филлис . Это же ты, сука!

Кэрол . Господи, что за бред!

Филлис . Не надо мне заливать. Он пихал в тебя свой стручок даже дольше, чем я предполагала.

Кэрол . Ты рехнулась. Опомнись!

Филлис . Рано или поздно признаться придется — если вы намерены сойтись. Какой милый сюрприз для Ховарда: только он упек папочку в богадельню — глядь, а тут прощальное письмецо от любимой жены.

Кэрол . Знаешь, я в таком состоянии, что даже не могу тебе ответить как следует.

Филлис . У тебя был роман с Сэмом?

Кэрол . Нет.

Филлис . Не бойся, скажи.

Кэрол . Не было.

Филлис . Я просто хочу знать правду.

Кэрол . Не было. Какая же ты вредина!

Филлис . Шлюха. Я вас вычислила. Вы перезванивались, тайком встречались, вместе уезжали...

Кэрол . Я не собираюсь сидеть и слушать, как меня унижают. *(Встает, но, потеряв равновесие, садится.)*

Филлис . Теперь-то, задним числом, я все припомнила. И как вы переглядывались за столом, и как потерялись тогда в Нормандии и мы с Ховардом два часа вас искали. И как вы у нас ужинали и Сэм пошел проводить тебя до такси, а потом я просидела полтора часа на кровати, потому что он, видите ли, решил пройтись с тобой до вашего дома пешком. Вот я говорю и вспоминаю, как года три назад — три года, черт меня подери! — я летала на конференцию в Филадельфию, Ховард уехал в Лос-Анджелес, а вы с Сэмом остались в Нью-Йорке. Значит, тогда все и покатилося? Или еще раньше?

Кэрол . Это — не я!

Филлис . Я нашла его ежедневник, там твое имя на каждой странице!

Кэрол *(встает, кричит, плачет)* . Чего ты от меня хочешь? Мы влюбились! Какая же ты вредина!

Филлис . Господи...

Кэрол . Вредина! Вредина! Мы влюбились — мы же не нарочно, — никто не хотел никого обижать.

Филлис . Я так и знала. Я еще в тот вечер, когда мы познакомились с вами в Хэмптоне, сказала: совершенно закомплексованная девка, клубок неврозов — рядом стоять страшно.

Кэрол . Эта любовь нам ничего не принесла, кроме страданий.

Филлис . И сотенки хороших оргазмов от случая к случаю.

Кэрол . Не надо все опошлять. Это совсем не то, что ты думаешь.

Филлис . Я в тот же вечер, когда мы вернулись домой, сказала: муж симпатяга, слегка пришибленный, но славный парень, а она — истеричка и хищница.

Кэрол . Не суди свысока, ты же врач, должна знать, что такое бывает. Это жизнь. Это как удар молнии: два человека встречаются, пробегают искра, и всё — возникает что-то неопишное.

Филлис . Не надо мне пересказывать "Франкенштейна".

Кэрол . Я не шучу, Филлис.

Филлис . Сколько же это тянулось? Три года? Больше? Четыре? Пять?

Кэрол . Даже не три.

Филлис . Что же — два? Два года вы шныряли по крышам, как мартовские кошки?

Кэрол . Мы не шныряли, мы сняли квартиру.

Филлис . Квартиру? Где?

Кэрол . На востоке, на Пятидесятых.

Филлис . Большую?

Кэрол . Маленькую.

Филлис . То есть?

Кэрол . Три комнаты.

Филлис . Что так скромно?

Кэрол . Прекрати злобствовать. Давай поговорим спокойно.

Филлис . Зачем вам три комнаты? Вы что, принимали гостей?

Кэрол . Нет. Никогда. Клянусь тебе. Нам просто надо было куда-то пойти, чтобы остаться наедине, успокоиться, чтобы... чтобы... поговорить...

Филлис . Ну да. Поработать языками.

Кэрол . Мы любим друг друга, Филлис, — господи боже, не думала, что когда-нибудь произнесу это вслух. Нас связывает... всё. Да, и страсть, но не только: мы одинаково чувствуем, нам снятся одни и те же сны.

Филлис . Зачем япустила тебя в свою жизнь. Я же всегда знала, что ты отымеешь крокодила, если ему подержат голову.

Кэрол . Филлис, что ты меня пытаешь? Он разлюбил тебя давным-давно. Я понятия не имею, почему. Точно знаю — не из-за меня. В душе он порвал с тобой до того, как впервые со мной заговорил.

Филлис . И как же он это проделал?

Кэрол . Что проделал?

Филлис . Когда? В какой вечер?

Кэрол . Какая разница?

Филлис . Это ты любишь вынюхивать. Мне надо знать, знать наверняка.

Кэрол . На новый год, у Штейна.

Филлис . Черт побери, это был девяностый.

Кэрол . Девяносто первый. Хотя нет, девяностый, правильно.

Филлис . И как это произошло? Кто кого завалил?

Кэрол . Все было не так. Я стояла и смотрела фейерверк, он подошел сзади и прошептал на ухо: "Давай на той неделе вместе пообедаем. Только не говори Филлис". Ну... как ты понимаешь, я была несколько удивлена.

Филлис . Понимаю. И, вероятно, слегка увлажнилась.

Кэрол . Я спросила — зачем? Он сказал: хочет, чтоб я помогла ему в одном деле.

Филлис . Детский сад. А где была я?

Кэрол . Ты потащила гостей смотреть фейерверк с крыши. В пятнадцатиградусный мороз. А Ховард пошел на кухню взять у Штейна рецепт бабагануш.

Филлис . Да-да, как же: твой муж тогда только что записался на кулинарные курсы,

мы все так им восхищались.

Кэрол. Я спросила: в каком деле? Какая помощь? А Сэм ответил: у Филлис скоро день рождения, я хочу, чтоб мы сочинили ей необычный подарок.

Филлис. Вам это удалось, ребята.

Кэрол. В следующий четверг мы пошли пообедать в его клуб. Говорили про подарок, перебирали варианты и прямо после обеда двинули по магазинам. Помню, заходили в "Бергдорф", к "Тиффани", в "Джеймс Робинсон" и в конце концов в одной антикварной лавке на Пятой авеню набрали на потрясающие сережки: модерн, брильянты с рубинчиками.

Филлис. Ну как же. Я их видела на тебе.

Кэрол. Да, они мне ужасно понравились. Сэм купил, мы вышли на улицу, и вдруг он протягивает мне коробочку и говорит: "Если б ты только знала, как я хочу тебя".

Филлис. А ты?

Кэрол. Я отвечаю — стоп, стоп, минуточку, мы же покупали для Филлис. Если я их возьму, надо что-нибудь подыскать и для нее.

Филлис. Спасибо, ты настоящая подруга. В результате мне достались эти поганые мельхиоровые подсвечники.

Кэрол. Они стоили целое состояние.

Филлис. Такие канделябры дарят старым девам. Но тебе, конечно, не пришло в голову сказать: Филлис — твоя жена и моя подруга.

Кэрол. Знаешь, почему не пришло?

Филлис. Я-то знаю: потому что ты, дешевка жалкая, положила свой алчный глаз на Сэма в ту секунду, как его увидела.

Кэрол. Ничего подобного.

Филлис. Кончай. Ты едва познакомилась с нами, разок на него взглянула, и у тебя слюнки потекли. Потому что он работает в юридической фирме при шоу-бизнесе, потому что он в отличной форме, у него шикарные бицепсы, и по сравнению с твоим задроченным козлом Сэм — просто Аполлон, который внял нудным мольбам изголодавшейся весталки.

Кэрол. Он больше не мог тебя выносить. Он мне сказал за обедом. Он сам все начал. Это у него потекли слюнки. Он посмотрел на меня, и у него слезы заблестели на глазах. И он сказал: я очень несчастлив.

Филлис. Слезы у Сэма? Ему, вероятно, жал гимнастический пояс.

Кэрол. Я понимала, что Сэм несчастлив, с той минуты, как мы с вами познакомились. Я в тот же вечер сказала Ховарду: "Она не та женщина, которая ему нужна..."

Филлис. Представляю эту сцену. Ты чистишь зубки, тогда еще собственные, Ховард натягивает пижамку и колпак, вы обсуждаете своих начальников, строите планы и прикидываете, как бы выбиться чуть повыше.

Кэрол. "...Может, она прекрасный психоаналитик, блестящая эрудитка и душа общества, но ему не хватает в ней просто женщины. Она не способна поддержать его, сварить ему кофе..."

Филлис. Не передашь мне гигиенический пакетик?

Кэрол. Сэм был на пределе — теперь ты и сама понимаешь.

Филлис. Как мило. Вы с Сэмом говорили о его несчастьях под коктейль — или под "Мальборо" между случками?

Кэрол. Мы несколько раз пытались расстаться, но не смогли.

Филлис. Еще бы ты не пыталась. Но я знаю Сэма: когда его старая сперма ударит ему в голову — он звонит тебе: "Киса, бросай все, приезжай, мне срочно надо кончить и пожаловаться на жену".

Кэрол. Ничего подобного. Мы гораздо чаще просто разговаривали, чем занимались любовью.

Филлис. Да о чем же, господи боже мой! О чем ему было с тобой говорить? Он же типичный мужик — какие у вас общие темы, кроме меня? Твой целлюлит? Твои глазные

дела и подтяжки? Шмотки? Твой тренер по гимнастике? Твой диетолог? Или ты просто лежала у него на груди и хихикала над умницей и эрудиткой, которая разбирается в чужих проблемах, но не видит собственных?

Кэрол. Я ни в чем не виновата. Сэм разлюбил тебя до того, как встретил меня.

Филлис. Вранье!

Кэрол. И все кругом это знали, все наши друзья.

Филлис. Это не наши, это мои друзья! Это я тебя с ними познакомила — как идиотка, — без меня ты бы их знать не знала...

Кэрол. И все они понимали, что вы с Сэмом та еще парочка.

Филлис. Чушь!

Кэрол. Даю тебе слово: я не соблазняла Сэма. Он хорошо гулял и до меня.

Филлис. Ерунда!

Кэрол. Открой глаза.

Филлис. Плевать я хотела на твои бредни.

Кэрол. Спроси у Эдит Мосс или у секретарши Стива Поллака.

Филлис. Лгунья! Сучка! Первая блядь Америки! Твой бюст надо установить на Аллее славы!

Кэрол. Не надо все валить на меня! Не от меня Сэм стал гулять.

Филлис. Проститутка, шлюха, тварь...

Кэрол. Это ты лгунья, лицемерка... Изображала, что у вас идеальный брак. Да над тобой все смеялись!

Филлис. Я обожала Сэма и была потрясающей женой.

Кэрол. Нас угораздило полюбить, но до того, как Сэм встретил меня, он перепробовал кучу твоих ближайших подруг и твоих однокурсниц, включая Мадлен Коэн, которая сама психоаналитик и наверняка разложила тебя по косточкам так, как мне и не снилось.

Филлис. Мадлен Коэн — это Фрейд сегодня, включая усы.

Звонок в дверь. Филлис идет открывать. Входит Ховард.

Ховард. Ну и денек... Мать честная... Надо выпить.

Филлис. Ховард, хочешь сюрприз?

Кэрол. Помолчи, пожалуйста.

Ховард (*наливая себе*). Смотришь на этих несчастных стариков и понимаешь, к чему все приходит. Вот к этому. Вот к этому. Боже мой, какой смысл, если все кончается этим?

Филлис. У Кэрол есть новости, которые могли бы тебя развеселить.

Кэрол. Пожалуйста, прекрати. Она напилась, Ховард.

Ховард (*наливая еще*). Я тоже намерен набраться. Господи, Кэрол, — это же мой отец. Был крепкий, здоровый мужик... Брал меня на футбол...

Филлис. Ну, скажи ему наконец, Кэрол. Ему надо переключиться.

Ховард. Несчастливая старуха, девяносто один год, бывшая певица, полная развалина, мучает пианино, подбирает припев из песенки Кола Портера, остальные глазуют, хлопают из вежливости. Другие сидят в холле у телевизора, живые трупы, на них старье все в пятнах от еды...

Филлис. Надеюсь, ты забронировал нам местечко.

Ховард. Это ужасно! Невыносимо!

Кэрол. Выпей..

Ховард. Два человека вместе старятся, вместе угасают, как мои мама и папа, потом один сдается раньше, другой это видит... После целой жизни вдвоем внезапно ты остаешься

один...

Филлис. Может, у тебя все будет иначе, Ховард.

Ховард. Нет... *(Себе.)* Не может.

Филлис. Ну, давай, скажи, Кэрол.

Ховард. Что сказать? Что вы затеяли? Чего вы напились в такую рань? Что тут у вас за бардак? *(Он только что заметил беспорядок в комнате.)*

Кэрол. Ховард, нам с тобой надо поговорить.

Ховард. О чем?

Кэрол. Потом. Не уверена, что тут подходящее место.

Филлис. Ховард, Кэрол от тебя уходит.

Кэрол. Позволь, мы как-нибудь сами...

Ховард. Не понял.

Филлис. Она уходит от тебя к другому мужчине.

Ховард. В каком смысле?

Филлис. В смысле — ты свободен. Узы брака разорваны, она третий год долбится с моим мужем и теперь уходит к нему.

Кэрол. Какая ты дрянь!

Филлис. Я что, вру? Закрой рот, Ховард.

Ховард. Кэрол, это правда?

Кэрол. Мы с Сэмом полюбили друг друга. Мы не хотели никому причинить боль.

Ховард *(медленно садясь)*. Н-не может быть... Да нет, я уверен, что ты не...

Филлис. Ничего себе. И ты не намерен впасть в бешенство?

Ховард. С какой стати? Это ничего не изменит.

Филлис. Время мыслить здраво и время сходить с ума. Разделочные ножи на кухне.

Ховард *(не понимая)*. Ты в жизни не сказала о Сэме доброго слова.

Филлис. Она вешала тебе лапшу, Ховард.

Кэрол. Заткнешься ты или нет? Шипишь, как змея, — без тебя тошно.

Ховард *(бесхитростно)*. Она давно завидовала тебе, Филлис...

Филлис. И сумела расквитаться.

Ховард. Сэм был мне другом . . .

Кэрол. Зачем ты говоришь, что я завидовала? Когда я кому завидовала?

Ховард. Даже не завидовала: ты помешалась на ней.

Кэрол. Что ты выдумываешь, Ховард.

Ховард. Я писатель, я могу распознать помешательство...

Кэрол. Несостоявшийся писатель, Ховард. Судя по твоим героям, тебе даже не стоило начинать — тебе надо было клеить картонные коробки.

Ховард. Больше того: ты боготворила ее.

Кэрол. Никогда в жизни, черт побери!

Филлис. Дети, не ссорьтесь.

Ховард. Боже мой, Кэрол, ты считала, что Филлис — гений. Ты собиралась вернуться в университет, чтобы изучать психиатрию.

Филлис. Наступает момент истины. Герои получают по заслугам.

Кэрол. Кончай пить, Ховард, ты уже меня обогнал.

Ховард. Я-то пить умею, это ты вечно устраиваешь спектакли. Она даже одевалась, как ты, — помнишь? И хотела сделать такую же прическу.

Филлис. Это уже явная клиника.

Кэрол. Психологию я всегда обожала. Это был мой второй предмет в колледже.

Ховард. Второй была история.

Филлис. А я думала, история искусств.

Кэрол. Ну да — у меня диплом по истории искусств.

Ховард. Кэрол считает, что не нашла себя.

Филлис . А в серпентарии она искала?

Кэрол (*рассудительно*) . Ты действительно поначалу произвела на меня впечатление.

Ховард . Настолько, что она думала податься в аналитики.

Филлис . Хорошо, что у нас с лицензиями строго.

Ховард . Хотела соединить психоанализ со своей йогой. Так сказать, западная религиозная психотерапия. Западная религиозная интегральная дзен-аум-психотерапия.

Филлис . И как же ты собиралась лечить? Окунать пациентов в воды Ганга?

Кэрол . Валяйте, издевайтесь.

Ховард . Потом стала одеваться, как ты: те же строгие юбки и топы. Помню, она несколько раз полностью меняла гардероб, потому что, видите ли, Филлис Риггс никогда бы так не оделась.

Кэрол . Он все выдумывает. Ховард, я понимаю, у тебя отец при смерти, но не надо срывать нервы на мне.

Ховард . У Кэрол давние проблемы с самоидентификацией. Она не знает, что она такое. Или, вернее, знает и отчаянно ищет идеал — чтобы было кому подражать и перед кем стыдиться.

Кэрол . Ну хорошо, успокойся. По-моему, тебе давно пора принимать таблетки. Его перепады настроения становятся все мучительнее, Филлис. Он это скрывает.

Ховард . Не надо менять тему.

Кэрол . Вот с чем я жила все эти годы: циклотимия — то депрессия, то возбуждение. Недавно он попытался вступить в общество сторонников добровольной эвтаназии. Но его не приняли.

Филлис . Не приняли в общество Хемлока? Я бы повесилась.

Кэрол . Не говори. Ты не видела, с каким вожделием он смотрит на полиэтиленовые пакеты в кладовке.

Ховард . Будьте спокойны — я не собираюсь кончать свои дни в доме престарелых.

Кэрол . А потом так же беспричинно начинается эйфория. Безудержная эйфория.

Ховард . Хватит, Кэрол.

Кэрол . Думаешь, это я люблю ходить по магазинам? Когда у него начинается подъем, он отправляется в плазу и начинает заказывать: шампанское, икру, одежду, которую никогда не будет носить... Великие планы, грандиозные идеи. Привести его в чувство может только электрошок. Ему необходим электрошок, как нам прокладки.

Ховард . По крайней мере, я это я. Я — неврастеник Ховард. А Кэрол хочет быть тобой. Но место занято.

Филлис . И поэтому она решила украсть у меня мужа.

Ховард . Не только тобой. Кем только она не видит себя!

Кэрол . Я не краля у тебя мужа, он сам ушел.

Ховард . Все началось с одной профессорши, которая преподавала у них историю искусств.

Кэрол . Давайте закончим. По-моему, нам пора домой.

Ховард . Домой? У нас больше нет дома.

Филлис . И что профессорша?

Кэрол . Ховард, имей в виду...

Ховард . Раз мы решили выкладывать все начистоту, то, может, тебе будет небезынтересно узнать, что, когда мы познакомились, у Кэрол была такая профессорша по истории искусств, весьма блестящая особа, — не как ты, но тоже большая умница. Мадам Канин.

Кэрол . Ховард, если ты намерен продолжать, я сейчас же уйду.

Ховард . И Кэрол стала боготворить эту мадам и отождествлять себя с ней.

Кэрол . Хватит! Перестань!

Ховард (*хватая Кэрол за плечи*). Не перебивай меня!

Кэрол. Не прикасайся ко мне!

Филлис. А ты горяч, Ховард. Кто бы ждал от человека, который зовет своего хомячка Пусей.

Ховард. Она отождествляла себя с мадам Канин точно так же, как потом с тобой: одевалась, как она, причесывалась, говорила, как она, переняла ее вкусы — а поскольку у мадам Канин был маленький ребенок, Кэрол решила, что тоже хочет стать матерью.

Кэрол. Рассказывай. Валяй. Мне нечего стыдиться.

Ховард. И попросила меня стать отцом. Что я и сделал.

Кэрол. Не без труда, милый. Не забудь рассказать про свою внезапную импотенцию. И про то, как пытался засунуть креветку в турникет.

Ховард. Не могу сказать, что сильно хотелось заводить детей, да и Кэрол в глубине души тоже...

Кэрол. Ты никогда понятия не имел, что у меня в глубине души.

Ховард. Но чего не сделаешь, чтобы превратиться в мадам Канин — нашего идола и кумира?

Кэрол. Да только у тебя никак не получалось — ты ведь это хотел рассказать? Потому что вся соль в этом.

Ховард. Она пошла к врачу. И мне было велено каждые пару дней спускать в пробирку...

Филлис. Черт возьми — вот она, великая цель!

Ховард. ...чтобы она отвозила ее на такси, пока живчики полны сил и виляют хвостиками...

Кэрол. Твои не виляли, Ховард. Они уныло слонялись.

Ховард. Короче говоря, наука творит чудеса, и она наконец залетела. Мечта начинала сбываться. Какие-нибудь девять месяцев — и она станет совершенной мадам Канин, в таких же юбках от Лоры Эшли и ацтекских побрякушках. Диплом по истории искусств, ребенок, научная деятельность: наконец-то она отвяжется от этой занудной личности по имени Кэрол.

Филлис. Догадываюсь, что было потом: вскоре она одумалась, пошла на подпольный аборт, и пьяный гинеколог по ошибке сделал ей операцию на лице — поэтому она теперь так выглядит.

Ховард. Она действительно дрогнула — но только не вскоре, а на восьмом месяце. Внезапно ей расхотелось становиться мамой.

Кэрол (*тихо*). Нет. Не расхотелось.

Ховард. Она одумалась и сказала себе: идеалы и фантазии — это, конечно, хорошо... — но я не мадам Канин и ребенок мне ни к чему.

Кэрол. Зачем ты это делаешь?

Ховард. Говоря еще короче, она родила младенца четыре кило весом, довольно симпатичного, судя по тому, что он был вылитый Рейган, хотя, как ты знаешь, новорожденные вообще похожи на старичков. Сморщенные такие... Поначалу я к нему привязался, но не дай бог она бы его оставила. Кэрол настаивала, чтобы отдать его на усыновление.

Филлис. И ты, как интеллигентный человек, не стал мешать.

Ховард. Я помню все до мелочей. В тот день, когда мы его отдали, я подумал: а не взять ли мне полиэтиленовый пакетик и не натянуть ли себе на голову — то-то была бы радость.

Филлис. Вы чудесная парочка, друзья мои. Если бы Киноакадемия вручала специальный приз убудку года, я обязательно голосовала бы за вас. А теперь я иду в туалет и надеюсь, когда вернусь, вас тут уже не будет. (*Уходит в дверь направо.*)

Ховард . Ну что ж. Я полагаю, между нами все кончено. После стольких лет.

Кэрол . Я полагаю, нам не следовало и начинать.

Ховард . Почему же, Кэрол? Ведь все начиналось прекрасно, первые несколько дней были очень даже ничего.

Кэрол . Нет-нет. Это моя вина. Тебе надо было жениться на этой. ..как ее звали? Ида, Ида...

Ховард . Ида Рондилино.

Кэрол . Рондилино. Я не должна была тебя отбивать. Но мне так хотелось быть рядом с человеком искусства...

Ховард . Ты не отбивала. Я встретил тебя и бросил Иду.

Кэрол . Это ты так думаешь. Но в тот вечер, когда мы с вами познакомились и я вообразила, хотя тоже была не одна, что хочу за тебя замуж, ты на меня даже не взглянул.

Ховард . Бедная Ида.

Кэрол . Она скучная баба. Но была бы тебе лучшей парой, чем я. Мы принесли друг другу слишком много разочарований.

Ховард . Ты когда-нибудь изменяла мне до Сэма?

Кэрол . Нет. Вернее, да. Один раз. С зубным врачом.

Ховард . Кэрол, Кэрол...

Кэрол . Если хочешь знать, он взял с меня как за две пломбы.

Ховард . А еще с кем?

Кэрол . Ни с кем. С Джем Роландом.

Ховард . С Джем? Он же мой соавтор!

Кэрол . Брось, Ховард, ну какой он писатель. Правда, этот хвостик на затылке... Прелесть.

Ховард . Ты спала с моим соавтором?

Кэрол . Всего разок. Ты лег на шокотерапию, мы оба очень за тебя переживали, не находили себе места.

Ховард . С кем еще?

Кэрол . Все. Больше ни с кем. Seriously. Все эти годы, все эти пятнадцать бесконечных лет, мне не хватало духу уйти. Я уверяла себя, что твоя неуравновешенность — верный признак одаренности. Хотя это было обычное слабоумие.

Ховард . Где вы собираетесь жить?

Кэрол . Сэм хотел перебраться в Лондон.

Ховард . Не уходи, Кэрол.

Кэрол . Чего ради, Ховард? Я встретила человека, который мне очень дорог, по-настоящему дорог, нас соединило глубокое чувство, страсть.

Ховард . Я не смогу жить один, Кэрол.

Кэрол . Ты справишься. Ховард, постарайся понять, мне почти полтинник — сколько шансов мне осталось? Пожалуйста, не заставляй меня чувствовать себя виноватой.

Ховард . Мне страшно.

Кэрол . Просто у тебя сейчас спад. И еще эта история с отцом. Надо позвонить доктору Карру — наверное, самое время немного полежать у него, подлатать мозги.

Ховард достает из кармана пистолет.

Ховард... ты что?!

Ховард . Жизнь — тюрьма.

Кэрол . Господи боже... Ховард, перестань!

Ховард . У меня больше нет сил. Я не хочу жить.

Кэрол . Откуда у тебя пистолет?

Ховард . Нашел у отца. Он воевал на Мировой. На Первой мировой, которая должна

была положить конец всем войнам — да не положила, потому что люди остаются людьми...

Кэрол. Убери сейчас же!

Ховард. Какое убожество, какая бессмыслица!

Кэрол. На помощь! Филлис! Филлис!

Ховард. Заткнись, у меня и так голова раскалывается!

Кэрол. Самоубийство — это не выход!

Ховард. Все кончается ничем: пустота, дом престарелых.

Кэрол. Трудные времена проходят! Сейчас у тебя просто такой период... Филлис!

Черт побери! Самоубийство — не выход!

Ховард. Мне страшно!

Кэрол. Господи, я не могу на это смотреть!

Ховард. Тебе и не придется. Сначала я убью тебя, а потом себя.

Кэрол. Меня? Ховард, ты что, шутишь?

Ховард. Сначала ты, потом я!

Кэрол. На помощь! Спасите! Филлис!

Ховард. Если ты сию секунду не прекратишь вопить... *(Взводит курок.)*

Кэрол. Ховард, нет! Не надо!

Ховард. А почему мы должны жить? Назови мне хоть одну причину.

Кэрол. Потому что мы люди, Ховард! Мы ошибаемся, делаем глупости, но мы не такие уж и плохие, вовсе нет, — мы смешные романтики... Мы спотыкаемся, отчаиваемся...

Ховард. Мы совсем одни во Вселенной!

Кэрол. Ховард — мы сейчас не во Вселенной, это Нью-Йорк, Централ-Парк Вест!

Ховард. Нет! Все бессмысленно! Я хочу умереть!

Ховард подносит дуло к виску, нажимает на спуск, но курок заедает. Он направляет пистолет на Кэрол, пытается снова взвести курок.

Ховард. Проклятье! Он старый, слишком старый. Он сломан! Надо же, немецкий люгер — вообще они надежные, как "мерседес"!

Кэрол вырывает у Ховарда пистолет.

Кэрол. Отдай! Ты что? Совсем рехнулся?! Меня всю трясет. Я дрожу, чуть не грохнулась в обморок. Мне надо принять валиум ...

Входит Филлис. Она не догадывается, что тут произошло.

Филлис. Что за шум... Я же сказала — вон отсюда.

Кэрол *(дрожа)*. Ховард хотел убить нас сначала меня, потом себя — у него пистолет, отцовский... старинный... Но... но... но там заело — он нажал на крючок, а там заело...

Филлис поднимает пистолет, вертит в руках.

Филлис. Пистолет в порядке, Ховард. Ты просто не снял с предохранителя.

Кэрол. Меня сейчас вырвет!

Кэрол выходит. Филлис садится на диван рядом с Ховардом.

Филлис . Честно говоря, Ховард, ты, конечно, психопат, но на этот раз твоя депрессия вполне оправданна. Даже остановившиеся часы два раза в день показывают правильное время. Тебе в самом деле досталось. Сначала сдаешь родного папашу во второсортный приют...

Ховард . Вовсе не второсортный.

Филлис . Не обманывай себя, Ховард: даже самые лучшие из них все равно не сахар, но тот, что выбрал ты — разумеется, по своему карману, — настоящая богадельня. Скоро убедишься. Пережив расставание с отцом — которое, между прочим, в психологическом смысле на шаг приближает тебя к осознанию собственной смертности, — ты узнаешь, что жена ушла к твоему хорошему другу, преуспевающему самцу с более высоким уровнем тестостерона в крови... С которым она два года спаривалась у тебя под боком. Так что, в сущности, благодари бога, что у тебя депрессия. Если бы ее не было, ты был бы идиотом. Я тебя утешила?

Ховард . Я скучаю по сыну...

Филлис . Даю им ровно полгода.

Ховард . Сэму с Кэрол? Они собираются переехать в Лондон.

Филлис . Полгода — в Лондоне или на островах Зеленого Мыса. Они оба абсолютно не приспособлены к жизни.

Ховард . Я знал, что он гуляет.

Филлис . Знал?

Ховард . Да кто ж не знал.

Филлис . Одна я, наверное.

Ховард . Да, наверное. Я слышал про вас сплетни даже от мальчишки-эмигранта, который убирает посуду в ресторане "Двадцать один".

Филлис . Эмигранты тоже в курсе?

Ховард . Он, само собой, не знал, что мы с вами друзья. Я сидел обедал, вошел Сэм, и я вижу — мальчишка пихнул официанта, кивнул на Сэма, потом показал на какую-то смазливую брюнетку за столиком и говорит: "Во сила! Дрючит эту — и спокойно ходит к нам с женой". Я удивился: парень только что из Польши — и уже знает слово «дрючить».

Филлис . Прекрасная история, Ховард. Поляки в курсе, официанты в курсе, а я нет.

Распахивается парадная дверь, входит Сэм.

Сэм (ледяным тоном). Я пришел забрать остальные бумаги. (Увидев, что бумаги разбросаны по полу.) О господи, что ты наделала?

Филлис . Мне бы хотелось задать вам пару вопросов, ваша честь.

Сэм . Ты уже задавала. Я пытался поговорить по-человечески. Не хочу, чтобы истеричка размозжила мне череп...

Ховард . Ты два года путался с моей женой.

Сэм . С тобой я готов поговорить, Ховард, и прежде всего прошу у тебя прощения.

Филлис . Кто старое помянет — тому глаз вон, правда?

Сэм . Я же сказал — не желаю тебя слушать. Я пришел за своими бумагами... только посмотри, что ты натворила...

Ховард . Мне трудно принять твои извинения, Сэм. Мне казалось, мы не чужие люди.

Сэм (собирая бумаги с пола; в гневе). У меня идут сложнейшие дела...

Филлис . Значит, ты перетрахал всех моих подруг?

Сэм . У меня было два очень трудных года, Филлис, работа не клеилась. Зачем ты все порвала?

Филлис . Я спросила: ты перетрахал всех моих подруг?

Ховард . Нет, я не перетрахал всех твоих подруг.

Филлис . Не ври! Я же знаю, я все знаю!

Сэм . Если ты все знаешь — нечего спрашивать. Сойди-ка. Сойди, я сказал...
(*Пытается вырвать бумаги, на которые она наступила.*) Отойди!

Филлис . Ай! Подонок!

Сэм . Я предлагал тебе все обсудить спокойно, я перед тобой душу вывернул — и что же?

Филлис . Я всегда верила тебе. Откуда я знала, что тебе так плохо со мной? Почему ты ничего не сказал мне, вместо того чтобы все держать в себе и тискать моих подруг?

Ховард (*вставая; с угрозой*). Я сердит на тебя, Сэм. Ты мне наставил рога.

Сэм (*толкает его на диван*). Сиди, Ховард. Поговорим позже. Я же сказал: я прошу прощения.

Филлис . Ты спал с Эдит и с Элен. А с Полли?

Сэм . Ты чокнутая. Какое счастье, что все это позади.

Филлис . Еще не позади, киса.

Сэм . Дай только разберусь в этом бардаке — и привет.

Ховард . Она знает о брюнетке, с которой ты ходил в "Двадцать один", — грудастой с рабочим ртом.

Сэм . Ховард, мне очень жаль, что так получилось с Кэрол. Я действительно надеялся, что ты никогда ничего не узнаешь.

Филлис (*снова переходя в нападение*). А с моей сестрой?

Ховард . Какой сестрой?

Филлис . Сьюзан.

Ховард . Что со Сьюзан?

Филлис . С ней тоже спал?

Сэм . Ты бредишь.

Филлис . Бредишь. То же самое ты говорил, когда я нашла имя Кэрол в твоём ежедневнике.

Сэм . Потому что это полный абсурд.

Филлис . Почему же абсурд? Если ты спал с Кэрол, почему тебе не спать со Сьюзан? И как я сразу не догадалась... Я же видела, как ты на нее пялишься. А она все ходила на софтбол в Ист-Хэмптон, полюбоваться, как ты играешь.

Ховард . Что ты за человек, Филлис, если все эти, по существу, близкие люди с такой легкостью тебя предают?

Филлис (*осекишись, берет себя в руки*). Тебе пора на шокотерапию, Ховард. Послюни-ка пальчик, дружок, и сунь в розетку.

Сэм . Сейчас соберу бумаги — и все. Вон, вон отсюда подобру-поздорову. Навсегда.

Филлис (*идет к телефону*). Позвоню-ка я Сьюзан.

Сэм . Положи трубку! (*Вырывает у нее телефон, кладет трубку.*)

Филлис . Ух ты, ух ты, смотри, как он раздувает ноздри. Может быть, он испугался?

Сэм . Чего мне бояться? Нас с тобой уже ничего не связывает.

Филлис (*снова снимает трубку*). Эй, красавчик: разве девушка не имеет права позвонить сестренке?

Сэм . Ну если хочешь выставить себя идиоткой...

Филлис (*набирает номер*). Мой первый муж тоже ценил женщин, но издалека, мир его праху... или его дому в Тель-Авиве или где там этот кретин теперь живет. (*В трубку.*) Привет, Дональд, позови-ка Сьюзан.

Сэм . Поразительно, как она до сих пор умеет меня достать! (*Наливает себе вытить.*)

Ховард . Она, конечно, стерва, но ведь и ты творил черт-те что, Сэм.

Сэм . Ничего я не творил.

Филлис (*в трубку*). Сьюзан, ты случайно не путалась с Сэмом? Я спрашиваю, путалась ли ты с Сэмом. Когда жила у нас... Ладно, не заливай, Сьюзан. А я говорю,

путалась. А я говорю, ты хотела мне отомстить...

Ховард. Да за что же? Ты что, спала с ее мужем?

Филлис (*Ховарду*). Нет, я не спала с ее мужем. (*В трубку*.) Что? Да не спала я с Дональдом! Стану я спать с хасидскими ювелирами! А вот ты с Сэмом спала! Потому что ты распутная бессердечная тварь, и только благодаря мне ты совсем не пошла ко дну, и затаилась — и так-то ты мне отплатила за все! (*Швыряет трубку*.)

Сэм. Bravo. А теперь, когда ты выставила себя полной дурой, я скажу тебе, крошка...

Филлис. Не смей называть меня крошкой.

Сэм. Я скажу тебе, Годзилла, что я пальцем не тронул твою сестру.

Ховард. А кто была брюнетка в ресторане?

Сэм. Ховард, не пора ли тебе немного передохнуть?

Входит Кэрол. Удивлена, увидев Сэма.

Кэрол. Сэм.

Сэм. Привет, Кэрол.

Кэрол. Филлис с Ховардом все знают. Здесь был кошмар.

Ховард. Нарыв лопнул, и гной течет наружу.

Кэрол. Пойдем, Сэм? Мне нужен час, чтобы собраться.

Сэм. Куда?

Кэрол. К нам домой или за город, если хочешь — в Лондон. Мне теперь все равно.

Сэм. Ничего не понимаю. Куда мы должны идти?

Кэрол. Куда глаза глядят. Знаете, нам всем надо начать новую жизнь — не только нам с Сэмом, но и Ховарду, и Филлис. Давайте попробуем. Пусть сегодняшний вечер станет не концом, а началом. Долой черные мысли. Я знаю, вы думаете: легко ей говорить, ведь у нее есть Сэм, а у Сэма она, — но давайте попытаемся быть людьми и поможем друг другу.

Сэм. Подожди, подожди. Но мы никуда не уезжаем.

Кэрол. Нет, просто ты говорил о Лондоне, — я это в смысле уйти отсюда.

Сэм. Кэрол, мне кажется, ты неверно меня поняла.

Кэрол. Что?

Сэм. Я встретил другую женщину, я люблю ее.

Кэрол. В каком смысле?

Сэм. Я встретил другую, я ее люблю.

Кэрол. Не понимаю... Ты же любишь меня.

Сэм. Да нет. Видишь ли, у нас с тобой был романчик, но мы никогда не были влюблены.

Кэрол. Я была.

Сэм. Правда? Но, ты понимаешь, я б никогда... Ты что, решила, что я ухожу от Филлис к тебе?

Кэрол. Сэм...

Филлис. Есть Бог!

Сэм. Кэрол... Я всегда был предельно честен в этом вопросе — по крайней мере, мне так казалось.

Кэрол (*ошеломленно*). Ноги... У меня подгибаются ноги... комната кружится...

Ховард (*смеясь*). Ей дурно, подайте нюхательную соль! Ха-ха-ха...

Филлис (*к Кэрол*). Детка, а ты что думала?

Кэрол. Сэм... Сэм... а как же наши свидания... наши разговоры...

Сэм. Ну да — но не более. Это и называется сходить налево.

Кэрол. Может быть, сначала — не более...

Сэм. И потом тоже.

Кэрол . Да нет же, нет!

Сэм . Да конечно, да.

Ховард (*развеселившись*). Ну, комедия.

Кэрол . А все наши мечты? О Лондоне?..

Сэм . Мечты есть мечты. Мечты не значит планы.

Кэрол . Но я думала...

Сэм . Что ты могла думать? У нас были совершенно определенные отношения...

Кэрол . Да нет же, нет.

Сэм . Мы никогда не были влюблены. По крайней мере, я.

Кэрол . Ты говорил, что влюблен.

Сэм . Никогда. Тебе кажется.

Кэрол . "Я уйду, Кэрол, там у меня все кончено, я задыхаюсь, я иду ко дну, я живу только благодаря нашим встречам..."

Сэм . Я имел в виду исключительно секс. Мы договорились о правилах игры в первый же день.

Кэрол . Да, но... мне казалось, все... изменилось, стало серьезнее... Зачем же ты спрашивал, буду ли я счастлива в Лондоне?

Сэм . Кэрол, ты неверно истолковала мои слова...

Кэрол (*окончательно все поняв*). Мерзавец. Значит, ты просто пользовался мной.

Филлис (*негодующе*). Почему это ты задыхался? Я, что ли, тебя душила? Почему это ты шел ко дну? А? Паяц, клоун!

Ховард (*у него настроение все лучше*). Ну да, клоун! Это все цирк, а он клоун, а мы лилипутики.

Кэрол . Ты лгал мне... ты меня обманывал...

Филлис . Получила, шлюха недоделанная?

Кэрол . "Я хочу быть с тобой, Кэрол, с тобой мне так хорошо, только с тобой я жив, спаси меня от этой эгоцентричной штурмбанфюрерши, которая погубила мне жизнь".

Филлис . Штурмбанфюрерши? Ты что, говорил, что я фашистка?

Сэм (*кротко*). Я не утверждал, что ты состояла в партии.

Кэрол . Я не верю! Ты бы не мог так обнимать меня, если бы не любил.

Филлис . Вставший член не ведает стыда.

Кэрол (*потрясена*). Неправда, все было по-настоящему! Я так верила тебе!

Сэм (*возмущенно*). Не надо возлагать на меня ответственность за собственные фантазии! Я никогда не переходил известной черты.

Кэрол . Нет...

Филлис . Когда женщина утрачивает чувство реальности...

Кэрол . Это ты утратила чувство реальности! Это ты считала, что у вас все в порядке — а он путался с каждой встречной!

Сэм . Довольно, Кэрол.

Кэрол . С Нэнси Райс он спал прямо в вашей кровати!

Филлис . С Нэнси Райс из комитета по этике?

Сэм (*к Кэрол*). Чего ты добиваешься?

Филлис . Нэнси Райс — председатель комитета по этике в нашей больнице. Занимается проблемой морального выбора.

Сэм . Да, с Нэнси Райс было, но очень недолго, пока ты ездила в Денвер, и сугубо по ее инициативе. И потом, у нас с тобой к тому времени уже закончилась интимная жизнь.

Филлис . Теперь-то я понимаю, почему. Какой мужик потянет двойную норму эякуляции?

Сэм . Совершенно не поэтому!

Филлис . Нет? Тогда почему же?

Сэм . Почему? Что почему?

Филлис . Почему наша кровать стала ледяной, как сугроб?

Сэм . Хочешь знать?

Филлис . Да, да, хочу. Хочу, черт возьми.

Сэм . Потому что ушла непринужденность.

Филлис . Ты что, меня держишь за слабоумную? Я тебе не она. *(Имея в виду Кэрол.)*

Ховард . Ну уж нет, Кэрол не слабоумная. Она с трудом усваивает новый материал, но это совсем другое.

Кэрол . Заткнись-ка, Ховард.

Ховард . Спокойно, спокойно, я просто объяснил, почему ты можешь производить впечатление слабоумной, хотя на самом деле нормальная.

Кэрол . Он потерял к тебе интерес, потому что ты в постели не заботилась о нем. Правда, Сэм? Как ты говорил: бревно под одеялом?

Сэм . Тебя это не касается.

Ховард . Я думаю, причина может быть в том, что Филлис иногда подавляет.

Сэм . Сиди, не лезь.

Ховард . Ты мне тоже жаловался, Сэм. Помнишь, ты напился за ланчем и бормотал: куда все уходит? Кем я стал? Неужели я теперь всего-навсего муж Филлис Риггс...

Филлис . Что за бредятина? Почему все считают своим долгом наказывать меня за мои успехи? Родная сестра, друзья, муж...

Ховард . Людей никогда не оскорбляет слабость: они ненавидят за силу.

Кэрол . Сэм, ты же обещал... ты же говорил, что любишь меня.

Сэм . Никогда. Ни разу.

Кэрол . Да как же?..

Сэм . Я очень внимательно следил, чтобы не употреблять этого слова.

Филлис . Никогда не давай адвокату: запутает в формулировках.

Ховард . Может, включим музыку?

Кэрол . Черт! С этого у него обычно начинается возбуждение.

Ховард . Зато я делаю Сэма в бадминтон.

Сэм . Что правда, то правда.

Ховард *(идет включить музыку)*. Он страшно заводится: сила есть, а координации никакой.

Сэм . Ну да, ну да.

Кэрол . Сэм, я была совершенно уверена... Ты ведь собирался уйти от Филлис.

Ховард . Он и ушел, Кэрол, — ты не заметила?

Кэрол . Заткнись, шизик чокнутый!

Ховард . Что-то вы приуныли... *(Включает музыку.)*

Кэрол . Выключи сейчас же!

Ховард . Что?

Кэрол . Выключи сию секунду! Выключи! Хватит!

Сэм выключает музыку.

Ховард . Да что на вас нашло? Прямо как на похоронах!

Сэм . Ховард, успокойся немного.

Ховард . Все такие сердитые... — голодные, наверное. Пойду-ка поищу чего-нибудь перекусить.

Кэрол . Идиот!

Ховард . А?

Кэрол . Идиот! Придурок!

Ховард . Придумал. Бабагануш! Это будет идеально. *(Уходит на кухню через*

правую дверь.)

Кэрол. Я любила тебя, Сэм, я так тебя любила...

Сэм. Я не думал тебя обманывать. Я старался быть деликатным... Я не хотел причинять никому боль.

Звонок в дверь. Кэрол, которая стоит ближе всех, открывает; входит совсем юная хорошенькая девушка: это Джульет Пауэлл.

Джульет (Сэму). Я ждала-ждала внизу и стала волноваться. Вспомнила, как тебе чуть не проломили голову... А ты все не спускаешься...

Филлис. Нет-нет-нет...

Кэрол. Это она?

Джульет. Я бы не поднялась, но ты сказал — пять минут...

Сэм. Да, она. Это — Джульет Пауэлл. Кэрол, Филлис, то есть доктор Риггс, но ее тебе можно не представлять...

Филлис. Можно не представлять. Можно прямо везти в психушку.

Кэрол. Вы что, знакомы?

Сэм. Послушайте... Давайте возьмем себя в руки и попытаемся не обливать друг друга дерьмом. Джульет — пациентка Филлис, вернее, была ее пациенткой, скажем так, да?

Филлис. И когда же вы с ней?..

Сэм (к Кэрол). Как-то раз, давным-давно, я случайно обратил на нее внимание в приемной. У меня свой вход, но я частенько сталкиваюсь с пациентами в дверях или иду мимо кабинета Филлис и вижу, как эти страдальцы сидят в слезах или просто листают журналы. И я тогда подумал: господи, такое прелестное существо — такое свежее, юное, — какие проблемы могут быть в ее годы? А потом недели через три я уходил, а Джульет вышла мне навстречу из лифта. Судьба. Она шла на сеанс, я заговорил, просто поздоровался. И так как я знал, что она спустится через пятьдесят минут, я купил газету и уселся на скамейке в сквере напротив. И точно: ровно через пятьдесят две минуты она вышла, и я снова поздоровался — надо же, какое совпадение! — и теперь я на ней женюсь.

Филлис (к Джульет). А я завязываю с психоанализом и вступаю в общество Хемлока.

Джульет (искренне). Я только поэтому перестала к вам ходить. Мне казалось, неправильно продолжать наши сеансы, раз я...

Филлис. Трахаешься с моим мужем? Спасибо, детка. Ложись, пять.

Кэрол. Сэм, она тебе в дочери годится.

Сэм. Не годится. Она дочь мистера Мортон Пауэлла, о котором, впрочем, я мало что знаю, поскольку не читаю "Уоллстрит джорнал".

Кэрол. Но что у вас может быть общего?

Сэм. Ты удивишься. Это очаровательная, образованная, двадцатипятилетняя женщина...

Джульет. Мне двадцать один.

Сэм. Ничего, скоро будет двадцать пять, четыре года пролетят — не заметишь.

Кэрол. Чем же вы занимаетесь, мисс Пауэлл?

Джульет. Чем занимаемся?..

Кэрол. Кто вы по специальности?

Джульет. Киномонтажер. В смысле буду монтажером, когда закончу колледж.

Кэрол. Ты пойдешь на выпускной?

Джульет. Я уже должна была закончить, но взяла академический на год.

Филлис. У мисс Пауэлл были серьезные психоэмоциональные проблемы.

Джульет. В общем, да.

Филлис. Когда она пришла ко мне год назад, подавленная, потерянная, исхудавшая,

— она каменела от одного вида мужчины. Мне надо было ее расковать, освободить в ней женщину, чтобы она смогла нормально жить дальше.

Джульет. И вам это удалось.

Филлис. Да, я заметила.

Джульет. Ужасно — мне так не хотелось терять вас как врача. Но с другой стороны, вы сами призывали меня думать о собственных интересах.

Филлис. Ты считаешь, мой пятидесятилетний муж представляет интерес?

Джульет. Ну, честно говоря, поначалу у меня пошли тяжелые сны — опять повторился сон про паука... Только теперь скорпион это были вы, птицеед — мама, а... Кэрол была тарантулом.

Кэрол. Но вы меня в глаза не видели.

Джульет. Сэм рассказывал, описывал вас...

Кэрол. Как тарантула?

Джульет. Мое подсознание создало образ паука из представлений о мохнатости и цепкости.

Кэрол. Мохнатости и цепкости?

Джульет. А отвечая на ваш вопрос... Да, я сомневалась, но Сэм так убедительно рассказывал о вашем браке — что он давно уже умер, и мне показалось, я не встану между вами. В смысле он все равно уже спал с Кэрол и с миссис Баксбаум.

Филлис. С кем?

Джульет. Миссис Баксбаум. Со второго этажа.

Филлис. Черт возьми, Сэм, — она же калека!

Сэм. И что с того? Умоляю, Филлис: я понимаю, изменять нехорошо, — но ведь не потому, что у женщины одна нога короче другой.

Филлис. Как же вы устроивались? Ты что, подставлял ей коробку?

Кэрол (*Сэму*). Почему это я мохнатая и цепкая? В кого я вцеплялась? Я только отдавала себя, отдавала и отдавала, я бежала к тебе по первому звонку, отменяла встречи, врала, ломала свои планы, только бы тебе было удобно, и не требовала ничего взамен, — как ты мог создать у нее впечатление, что я тарантул?

Сэм. Неужели я в ответе еще и за чужие сны?

Кэрол. Ты хорошо понимаешь, за кого собралась замуж?

Джульет. Ну, вообще, это Сэм настаивает на свадьбе. Мне и так с ним замечательно.

Сэм. Нет-нет. Я хочу, чтобы была семья, была ответственность. Мне это нужно. Я больше не могу так. Я хочу, наконец, стабильности. Я должен навести какой-то порядок в своей жизни. Джульет, ты все, о чем я мечтал.

Кэрол. Двадцатилетняя невропатка?

Сэм. Ей двадцать один. Она монтажёр.

Филлис. Полгода назад она не могла взглянуть на мужчину, чтобы не пойти лишаями.

Сэм. Слушайте, я отлично понимаю, что вы думаете, но поверьте: у нас все по-настоящему. Что бы вы обе ни говорили. С донжуанством покончено раз и навсегда: это не выход. Кого может удовлетворить глупый, пустой, дешевый романчик?

Кэрол. Спасибо, Сэм, я тоже многое поняла.

Сэм (*к Джульет*). Короче говоря, я просто хочу сказать, что наконец-то встретил тебя и хочу остаться с тобой навсегда.

Филлис. А когда она будет моих лет? Ты к тому времени давно перейдешь на питательные смеси.

Кэрол. Я понимаю, что немолода и не очень хороша собой, но это уж слишком... Это чересчур!

Ховард (*появившись из кухни*). Решил сварить равиоли — там больше ничего нет.

Кэрол. Погибла жизнь...

Ховард. Правда, к сожалению, не нашел приправ, но я сделаю сливочный соус и салат-ассорти с анчоусами и яблочным уксусом. Это кто?

Джульет (*здороваясь с ним за руку*). Джульет Пауэлл.

Ховард. Ховард.

Джульет. Видите, полгода назад я бы не могла даже сама представиться.

Сэм. Скажи, что согласна выйти за меня замуж. Поддержи меня.

Джульет. Я только хочу, чтобы мы были вместе, больше ничего. Разве недостаточно просто встречаться, и пусть все идет как идет?

Сэм. Это нечестно. Я думал, мы договорились. Вчера вечером ты не сомневалась.

Ховард (*к Джульет*). Зачем вам замуж? Вы еще ребенок.

Сэм. Ховард...

Ховард. Нет, серьезно: она еще ребенок, а ты старая развалина, то есть развалина не в смысле развалина, но слишком стар для нее.

Сэм. Мы сами разберемся.

Ховард. Ты взвалишь на нее такую ношу — весь груз своих разочарований, обид. Сам-то ты привык...

Сэм. Я вовсе не разочарован, Ховард. Я просто хочу начать сначала.

Ховард. Слушай, а кто не хочет? (*К Джульет*.) Женидьба — серьезный шаг. Даже для такой девочки и для обсосанного пожилого Казановы.

Джульет. Я и говорю — по-моему, можно подождать.

Сэм. Ты мне нужна.

Ховард. Он боится, что вы кого-то встретите.

Сэм. Заткнись, будь добр. (*К Джульет*.) У него не все дома.

Ховард. Потихе, потихе. Я ее понимаю. Ты очень давишь. (*К Джульет*.) Зачем вам, в сущности, замуж? К чему запирать себя в клетку? Сначала надо пожить в свое удовольствие, вы ведь совсем дитя.

Джульет. По правде сказать, я только начинаю выходить из своей скорлупы. Все благодаря Филлис.

Филлис. Если это все благодаря мне, то я записываюсь на шокотерапию. И я вам не Филлис, для вас я по-прежнему доктор Риггс.

Кэрол (*подбегает к Сэму, колотит его*). Я паучиха? Я мохнатая, цепкая паучиха?

Сэм. Кэрол, пусти меня, отстань.

Ховард. Я просто хочу сказать: рано ей думать о семейной жизни. Тем более с тобой. Помяните мои слова, детка: венец — всем надеждам конец.

Джульет. Ух ты, как хорошо сказано!

Ховард. Собственно, я писатель.

Сэм (*Ховарду*). Это для тебя был конец, а для нас — начало.

Джульет. Сэм так настаивал на свадьбе — я просто растерялась.

Ховард. Джульет... могу я вас так называть? — пусть этот тип сколько хочет говорит о семье и ответственности, вы меня послушайте: подумайте о себе, о своей юности. В конце концов, вы так хороши собой, так аппетитны, свежи, вы сейчас в самом соку...

Филлис. Черт возьми, Ховард, можно подумать, ты собираешься ее зажарить.

Сэм. Что ты его слушаешь? Это же шут.

Джульет. Ты ведь знаешь, Сэм: до тебя у меня никого не было...

Ховард. Миллионы мужчин будут у ваших ног — вы так прелестны! Я бы точно влюбился, хотя мы только что познакомились.

Сэм. Ого! Ну и ну. У меня появился соперник!

Ховард. Что ты собираешься делать?

Джульет. Хочу стать монтажником.

Ховард . Серьезно? Какая удача! Дело в том, что я написал несколько сценариев...

Сэм . Но ни один не смог продать. Кстати, роман тоже.

Джюльет (*впечатлена*). Роман? Ничего себе.

Сэм (*начиная немного нервничать*). Валяется на распродажах. Весьма прозрачная история. Главный герой когда-то был знаменитым университетским спортсменом, а теперь соревнуется с собственной женой, блестящей бабой, матерщинницей, которая заведует отделением в больнице, пишет книги, держит площадку, куда бы они ни пришли, и не понимает, что ее муж слабак и что она подавляет этого несчастного придурка до такой степени, что его в жизни интересует только секс на стороне.

Филлис . С физически и умственно неполноценными.

Ховард . Джюльет, у меня большие связи в Голливуде. Кстати, завтра жду одного звонка из "Парамаунта".

Сэм . Он бредит, Джюльет, — ничего у него нет, он сам — ничто.

Джюльет . Что-то разболелась голова...

Сэм . Абсурд какой-то! Не надо маленькую неприятность превращать в катастрофу! Джюльет, я люблю тебя. Мы поклялись, что всегда будем вместе. А теперь пойдем.

Ховард . Не спеши, Сэм. У нас с Джюльет неплохие перспективы.

Сэм . Он чокнутый. Ку-ку. Через десять минут будем стаскивать его с подоконника.

Ховард . Подумай насчет Калифорнии. С "Метро-Голдвин-Майер" — очень серьезный вариант: мне надо просто сказать "да".

Джюльет . Вы же говорили, с "Парамаунтом"?

Ховард (*говорит очень быстро*). Есть одна потрясающая идея. Правда, когда идея убойная, они норовят заключить договор сразу на три сценария. У меня грандиозные задумки, одну я не прочь сам поставить. Мне столько раз предлагали постановку, а я отнекивался. Но теперь можно обмозговать. Если предложат хорошие условия... Ты могла бы взять на себя монтаж. Я факсану моему риелтору в Беверли-Хиллз, чтобы снял дом: сразу покупать глупо, кто знает, захотим ли мы там осесть. Снимем пока что-нибудь просторное, может — в Бель Эйр, мне хочется, чтобы был большущий бассейн, это и детям радость, — кстати сказать, кажется, я читал, что Уоррен Битти собирается продавать свою лачугу. Он мой близкий друг. К сожалению, нечасто видимся — все больше на партийных съездах... (*Смотрит на часы.*) А позвоню-ка я ему прямо сейчас. Сколько там? На три часа раньше, чем у нас.

Сэм (*с него достаточно, он хватается Джюльет за руку*). Довольно. Пойдем.

Ховард (*встает у него на пути*). Секундочку, секундочку, — не так быстро.

Сэм . Отойди, Ховард.

Ховард . Нет, Сэм: ты слишком привык, что путь свободен.

Сэм . Я сказал, мы уходим.

Джюльет . Сейчас, погоди. Я так волнуюсь...

Сэм . Нечего ждать. Поговорим в машине.

Ховард . Оставь ее в покое.

Сэм . Ховард...

Ховард . Оставь ее, Сэм. Я не позволю морочить этой девочке голову. Я намерен провести с ней остаток своих дней.

Сэм . Я сказал, убирайся!

Сэм толкает Ховарда, завязывается борьба. К общему удивлению, она переходит в настоящую драку.

Филлис . Ну все. Заканчивайте. Мы же не в джунглях. Это Централ-Парк Вест.

Джюльет . Перестань! Отпусти его!

Ховард . Ты меня задушишь...
Филлис . Прекратите...
Джюльет . Ну, пожалуйста! Ну, довольно! Все, все! Хватит!

Импровизация, все пытаются вмешаться и остановить Сэма. Джюльет хватается люгер, стреляет в него. Крики.

Сэм . О, Господи...
Филлис . Сэм!
Джюльет . Что случилось? Он что, выстрелил?
Сэм . Больно... Как больно... Сзади...
Филлис . Вызывайте "скорую"...
Джюльет . Я не хотела...
Филлис (*к Кэрол*) . Звони в "скорую"!
Джюльет . Все красное...
Кэрол . Это дитя уже умеет снимать с предохранителя. Браво.
Филлис . Уходи. Пока не приехала полиция. Спокойно выйди за дверь и ступай домой.
Джюльет . Ради бога, прости меня, Сэм.
Сэм . Откуда на моем обеденном столе немецкий люгер?!
Ховард . Ну, так что с равиоли? Вы не сказали, кто будет салатик.
Филлис (*к Джюльет*) . Уходи, сейчас приедет полиция. Когда увидят хорошенькую дочку известного банкира, у них потекут слюни и они притащат газетчиков...
Джюльет . Я не хотела... Это случайно вышло...
Филлис . Случайностей не бывает, детка. Разве я тебе не объясняла? А теперь ступай домой и сиди тихонько. Обсудим все в понедельник. (*К Кэрол*) Дай мне это!
Кэрол . Одевайся, Ховард. Пошли домой. Сегодня по телику "Остров потерянных душ". Хочу убедиться, что назовут наши имена.
Ховард . Только давай заскочим в магазин — у меня кончается мускатный орех.
Кэрол . Тебе хватит мускатного ореха на всю оставшуюся жизнь.
Джюльет . До свидания, доктор Риггс. В понедельник, как обычно.
Сэм . Джюльет... Джюльет... Не уходи... Я люблю тебя.

Свет начинает гаснуть.

Филлис . Мужайся, Сэм. Она пальнула тебе в задницу. Это значит — прощай.

Комментарии

1

1. "Легенда о Сонной лощине", "Рип ван Винкль"- рассказы Вашингтона Ирвинга (1783-1859). По рассказу "Легенда о Сонной лощине" снят фильм.

2

2. Джимми Коннерс — знаменитый теннисист.

3

3. Карсон Маккаллерс (1917-1967) — американская писательница.

4

4. Фамилия сыщика из фильма А. Хичкока "Психо".